

Виктор Девера

Храм любви

Книга пятая. Усход

С любовью думай и верой...

Виктор Девера

Храм любви. Книга пятая. Исход

«Издательские решения»

Девера В.

Храм любви. Книга пятая. Исход / В. Девера — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506904-7

Данная книга является конечной серией романа. В ней говорится о развязке конфликта вследствие образовавшегося любовного треугольника. Трагический исход как бы подчеркивает ошибочность или преждевременность идеи, которой герои посвятили свою жизнь. Однако главная героиня Надежда не умирает и оставляет надежду, что проблемы любви разрешатся в новых формах семьи, о которых велась полемика на страницах романа. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-506904-7

© Девера В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 19. В пути	6
Глава 20. Светлана	12
Глава 21. Сон	32
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Храм любви Книга пятая. Исход

Виктор Девера

Корректор Анастасия Казакова

Дизайнер обложки Слуковская Мария

© Виктор Девера, 2019

ISBN 978-5-0050-6904-7 (т. 5)

ISBN 978-5-4496-1957-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 19. В пути

Игра в блеф нужна, чтоб скоротать время, а если не врать, то что и рассказывать?

Народное мнение

С документами для бартерного зачета на бумажные изделия по его поставке он со всеми своими воспоминаниями и странным беспокойным чувством ехал на рекомендованной Анной машине. До предприятия, которое должно было произвести отгрузку и окончательный расчет, было не менее дня пути.

Водитель гнал машину на капитальный ремонт и, искренне радуясь, что с ним находится попутчик и помощник на случай поломки, рассказывал анекдоты. Выяснив, что попутчик знает не только Анну, но и ее подругу – Шаманку, рассказал почти анекдотический случай:

– Она ж из лесхоза сюда приехала, гуляка еще та. Там прославилась и от позора сбежала. Как-то уговорил ее один мужик и повел к себе, а домой неожиданно вернулась из поездки жена. Он глядь на окна, видит свет, ей и говорит:

– Нельзя домой. Давай здесь, в подъезде.

Она начала ломаться:

– Здесь неудобно, а если у тебя большой, то и больно сделаешь. Сам намучаешься и тело мое изуродуешь, у некоторых и с маленьким не всегда удается, – свернув два пальца колечком, показала ему, какая у нее маленькая куночка – мышиный глаз.

В конце концов он уговорил, и она согласилась.

– Становись, – говорит, – рачком, легче будет.

А она стеснительная тогда была, отвечает:

– Так давай, стоячком.

Он согласился. Долго мучился и с трудом, но все-таки вошел.

Неожиданно одна дверь на площадке открылась, и вышедшая женщина, увидев их, к соседке зашла. Шаманка с испугу дернулась, а освободиться от него не смогла. Как гуляющая сучка порой с псом разойтись не могут, так и они. Через некоторое время из этой двери вышли и прошли мимо две женщины, Видя, что пара мучается, а девушка рыдает, вызвали милицию. Милиция приехала и, разобравшись, вызвала скорую помощь. Тут уже поднялся шум в подъезде, другие зеваки вышли, а с ними и его жена. Удостоверившись, что это ее муж, вмазала ему от стыда и ревности, а ее обзывать и бить стала. Грозилась все сама обрезать. Санитары ее успокоили, носилки вынесли и говорят им:

– Не понесем, до машины идите сами.

Пошли по ступенькам, а идти неудобно, и все это с болью.

– Дура ты, дура, – говорит он ей, – согласилась бы сразу рачком, сейчас бы в ногу пошли.

Арабес усмехнулся.

– Врешь же, наверно. А что дальше-то было?

В больнице им помогли, все вроде бы обошлось, а ей посоветовали:

– Тебе, подружка, своей прелестью можно орехи колоть на кондитерской фабрике, но в экстремальных условиях сексом лучше не заниматься.

Да что говорить, Анна ее как приманку для всех клиентов выставляет. Заводит всех мигом, а потом в ромашку сыграть предлагает. На какой девке мужик кончит, ту и на ночь ему отдают. Кончил на ней – знать? твоя дама, получи и другую не проси. Вся любовь, и сиськи набок, развлеченья до упадок. В полумраке одни сраки, и все рачком, и все при деле, и среди них пенсионеры. Попробуй разбери, где какая давалка. Нет заезженных и обделенных вниманием. В такой групповухе она любой бабе секс-терапию устроит. Если кто забеременеть хочет,

так это вмиг на халяву заделают. Скажет мужику: на пятой кончи, он так и сработает, и в декрет ее отправят. Не каждый же мужик способен нынче детей делать, и все шито-крыто. Только мужики всегда, как закон, в первую очередь на Шаманке кончают, если она в круге стоит.

– Ты все рассказываешь, как будто не раз в эти игры развлекался.

– Если бы не так, не рассказывал.

– Это все как в анекдоте: мужик врачу жалуется: «Не стоит», а тот: «Что же ты хочешь, возраст». Он в ответ: «Что возраст, сосед старше рассказывает, что каждый день стоит». Врач ему: «Ну и ты рассказывай».

– Нет, не шучу. Шаманку точно знаю, если не попробовал, то много потерял, – ответил водитель и, взяв у Арабеса зажигалку, закурил. Арабес тоже решил закурить и достал сигарету. Водитель чиркнул зажигалкой и, дав ему прикурить, положил ее в свой карман.

– Зачем забрал зажигалку, это моя, – заметил Арабес.

– Подари.

– Нет уж. Это называется: отдай жену другу, а сам ищи потаскуху.

– Да ладно, махнемся не глядя, как на фронте говорили.

– Сись на сись меж собой менять, говорят, только время терять. Чем же моя зажигалка приглянулась тебе?

– Это я тебе хочу отдать свою. Моя зажигалка – талисман огня, она Шаманкой заговорена от сглаза. Пока эта зажигалка будет у тебя, ни одна проказа тебе не будет страшна. В этой зажигалке огонь Шаманки.

– Ладно, хорошая сказка, но у меня тоже зажигалка – подарок Шаманки, – ответил Арабес.

– Моя проверенная, точно работает. Можешь зажечь вместо свечки в любовную ночь и права на страсть получишь, а иначе можешь и лажануться.

Арабес усмехнулся, и после его доводов и своих колебаний обменялся.

– Будем считать, что я поверил в ее шаманские дела, и только ради ее огня. Однако мне думается, что ее магия чем-то напоминает насилие. На себя или на другого ворожить – это все равно, что кирпичом по голове бить. Приворожил – это как сознание отключил и делай что хочешь. С мужиком это, наверно, куда ни шло, а с бабой не знаю, насколько это оправданно. Если все делать так, то небеса померкнут.

Хотя я тебе тоже могу байку рассказать, но только про то, как бабы меж собой из ревности передрались. Хочешь, верь, хочешь, проверь, но дорога есть дорога, слушай. Только угадай на раз, блеф или по натуре рассказ. Карта правды – туз крестей, любая другая – нет, в бардачок положу. Наугад, бутылка с меня. Не угадал – бутылка с тебя.

Он положил карту и начал рассказывать свою историю:

– В детстве у меня как-то шуточный случай случился. Не помню, как, но, видимо, не нарочно или из любопытства я коту мазнул под хвостом красным перцем. Кот мгновенно будто сбрендил, ошалел, замыкал и по вертикальным стенам, как мотоциклист в цирке, несколько кругов описал, потом в форточку выскочил. Это мне показалось забавным, и я то же самое проделал с собакой. Она, бедная, с цепи сорвалась. После этого Оя решил подшутить над соседом. У него бык стоял, которого он откармливал в стойле. Так я ему этим перцем не только под хвостом намазал, но и раскроенный стручок в задний проход умудрился сунуть. Бык взбесился, истошно замычал, а потом сел на свой зад и крутился, ездит по земле, весь двор разворотил. Сосед от увиденного чуть не поседел. В результате бык был убит раньше времени.

В юности я рассказал эту историю в общепитии девчонкам из училища. Тогда я встретился с двумя подружками, а жениться рано не хотелось, готов был с обоими заняться досуговой любовью. Они же требовали серьезного увлечения и все ждали, какую из них выберу, а я не решался. Обидеть не хотел ни ту, ни другую.

Как-то пришел, а их нет. Сидит в комнате другая девчонка, в халатике. Пока я их ждал, она, беседуя и медленно обнажаясь, меня стала соблазнять.

– Мои подружки, – говорит, – хотят тебя женить на себе. Все мысли их заняты тем, чтоб так или иначе выйти замуж, но ни та, ни другая друг другу уступать не собираются. Я этого не преследую, но побыть с тобой не отказалась бы.

– Хочешь им подлянку бросить, чтоб они меня оставили? – отвечаю я ей.

– Нет, – говорит, – но ни одна из них тебе до свадьбы не даст, так что облом тебе гарантирован. А я готова хоть сейчас лечь. Вокруг меня нет большого количества поклонников, и я радуюсь каждому заинтересованному взгляду мужчины или сама стараюсь возбудить это желание, и здесь все средства хороши. Если они, как писанные красавицы, могут ставить какие-то условия, я не могу и не хочу, так как писаной красавицей себя не считаю. В этом плане я им не соперница.

Красота позволяет женщине быть гордой, и таким можно высоко поднимать моральную планку, только таких дур сейчас мало. Большинство, наоборот, ее опускают, так как знают, что красоте простят все, а брак все скроет. У меня своя мораль. Я пока к замужеству не стремлюсь. Они праведницы, а я грешница, у меня стоп-кран давно сорван. Им в первую очередь женить, и только потом хоть ложкой хлебать, а любишь или не любишь – это второе. Где «целка», там и человек, – таково их убеждение. Они живут по принятой правильной морали и до свадьбы понюхать не дадут. Даже если все делать правильно, счастливым ты с ними не станешь. Можешь грешить, они тебе простят. Только после свадьбы у твоей избранницы разовьется комплекс неполноценности из-за того, что их знакомки знают разных мужчин, а она только тебя одного. Жить и знать только одного мужчину или одну женщину – это для кого-то честь, а кому-то моральная каторга. Любопытство возьмет свое, а если будут знать, что у мужа были до них и другие женщины, то одолеют сомнения, что их нет и после. Тогда измена гарантирована. С девочкой всю жизнь не проживешь, а с праведницей сложно, ничего не простит. Так что ты подумай. Живут долго только с душой и характером, а красотой лишь покупают эту жизнь.

Так она рассуждала, и все мне складно по полочкам раскладывала. Тем временем подтягивала сзади халат, и пуговицы на грудях расстегнулись. Сама делала вид, что не замечает этого, а у меня глаза навывкат, все вижу и возбудился. Хочу женщину, и все. Чтобы сдержаться себя, прижался к противоположной от нее стенке и боюсь подходить. Сам же думаю: «Обнять ее или не обнять? А вдруг сейчас войдут подружки».

Она видит мои мучения и совсем почти халат расстегнула. При этом дальше спокойно продолжала вести свою беседу, как будто ничего не происходит и она этого не замечает.

– Правду о том, что желание узнать другого мужчину, как и тебе женщину, в своих отношениях вы после свадьбы будете всегда скрывать. Это рано или поздно начнет убивать семью или заставит скрывать ваши измены. Правда – всегда хорошо, но счастье семейного покоя лучше. Будете жить во лжи, как все. Недаром говорят: «Выйти замуж не напасть, замужем бы не пропасть». Я не мечтаю стать ни такой невестой, ни такой женой. Мне приятней откусить хоть немножко, но сейчас, да еще у таких красавиц, чтоб успеть налюбоваться, и это посчитаю за радость и за честь. Только вот кто нравится мне, тому не нравлюсь я. Для меня проблематично и увлечь, и завладеть желанным парнем. Если это удастся, я не думаю, осенит его любовь ко мне или нет. Придет – значит, женится, не придет – я и этому рада буду. Не каждая может вымучивать секс до свадьбы. То, что парень долго и мучительно добивается девушки, не гарантирует ей, что он не будет мучить ее после свадьбы. По мне лучше не мучиться. Когда тебе охота и мне охота, от желанья души лучше не убегать. Не вижу смысла узаконивать желанный секс, если это требует дорогих и сложных церемоний. Этот моральный кретинизм убивает тело, заставляет мужчину искать что-то другое или склоняться к насилию женщины, если не к своей плоти. В разные периоды жизни мужчине нужны разные женщины, нужно суметь его понять и стать нужной в данный промежуток времени.

Видя, что ее рассуждения и оголенное тело не ломают меня, она сама подошла ко мне и прижалась. Я не выдержал.

Тогда мне действительно жениться не хотелось, и увлекся ею. Она своей свободой устраивала меня и показалась чем-то даже интересней их. Мы стали встречаться, а ее подруг оставил. Они потом выяснили, что и как, и поссорились. Однажды из ревности, зная мою историю с перцем, решили поиздеваться над ней. Гонимые обидой и мстью, они подшутили, точно как я над животными. Найдя у нее в тумбочке презервативы, намазали их перцем. Все как положено упаковали и аккуратно положили на место. Устроили нам запланированное уединение. Когда мы оставались одни, то, естественно, занялись сексом. Они, рассчитав все, умышленно ждали результата в другой комнате. Когда их подруга с воем и стонами выскочила из-под меня, бросившись из комнаты в ванную, они побежали за ней и от души издевались. Она, догадавшись, в чем дело, от боли и обиды, естественно, с кулаками бросилась на них, так они ее еще и побили. Я в этой истории чудом не пострадал, так как презерватив был намазан с одной внешней стороны.

Водитель выслушал, посмеялся, но карту угадал. Потом рассказал про то, как у одного его знакомого жена родила мальчика.

– Вот проходит он в больницу, – стал стараться как можно убедительнее говорить он. – Говорит ей: «Покажи малыша». Тут она и решила подшутить. Выносит ему малыша соседки, показывает черного малыша и смеется. Он, естественно, поверил и сразу убежал, а придя домой, напился и, не сумев пережить этой трагедии, повесился.

Арабес опять только усмехнулся.

– Это как в известном анекдоте. Едет мужик в автобусе и матерится, весь люд в автобусе возмущается:

– Вы что себе, мужчина, позволяете?!

А он отвечает:

– Да как не ругаться, жена родила.

– Ну и радуйтесь.

– Да что радоваться, двойня.

– Прекрасно, поздравляем.

– Все ничего, но оба черные.

Весь автобус матом:

– Ни хрена себе, е... твою мать!

Они опять разыграли карту, и уже следующий рассказ опять был за Арабесом. В его истории некий мужик подал в суд на свою жену за то, что она отказывается выполнять свои супружеские обязанности и за домогание к ней бьет его сковородкой по голове. От этого у него возникают еще большие сексуальные потребности. Так она привела его к необходимости того, чтоб он нашел себе любовницу, а от нее потребовал развод.

– Все реально и похоже на реальность, – ответил водитель, – ведь садомазохизм с избиением и унижением существует только на этом, и многие только в нем получают сексуальное удовлетворение. Против природы идти бесполезно, и бороться с ней не нужно, она всегда права.

Так, рассказывая друг другу байки, они коротали время в пути. Дорога местами была сильно разбитой.

– Дураки... и дороги проблемы нашей страны, – ругался водитель по матери при больших ухабах на асфальте.

Кое-где у дороги стояли кресты в венках.

– Вот потому и кресты на дорогах, – промолвил Арабес.

– Да, дорога есть дорога, – промолвил водитель и, достав из-под иконы, стоявшей у лобового стекла, стих, подал ему. Арабес молча прочитал его.

* * *

Вера старая не спасет ныне. Ну да ладно не будем об этом.

Мимо проносились машины, а у поселений махали девочки, напрашиваясь на прокат.
Минуя девочек и ухабы на дороге, они продолжали свой путь, разными небылицами
и рассказами продолжая скрашивать время утомительной дороги.

Глава 20. Светлана

Есть женщины в русских селеньях...

Некрасов

Дорога до того северного городка, куда он направлялся, оказалась не только утомительной, но и сложной трассой. Во второй половине пути начались еще и неполадки с машиной. Сначала полетел кардан одного из задних мостов, и они, сняв его, продолжали движение по скользкой дороге с включенным передним мостом. Под вечер следующего дня стала периодически закипать вода, а потом к этим несчастьям пробило прокладку головки. Добравшись на буксире до ближайшего населенного пункта, Арабес распрощался с водителем.

– Дальше я тебе не помощник, – сказал он и, набрав пива, заночевал в местной убогой гостинице, а водитель – в местном гараже, где поставил машину.

Хозяйка гостиницы, довольно симпатичная и, по виду, богопослушная женщина лет тридцати с небольшим, под утро вошла в номер для его уборки. Он уже умылся и собирался к отъезду. Она была в гостинице в единственном лице за весь обслуживающий и руководящий персонал. Увидав в комнате пустые бутылки из-под пива, она вежливо попросила забрать их с собой и выкинуть на помойку.

– Зачем? – удивился он. – Лучше вы заберите. У вас, наверно, дети есть. Отдадите ребятишкам, это им будет в радость, сдадут и получают копейку.

– У нас уже лет пять никто и нигде не принимает бутылки. У каждого во дворе их гора. Тары для приема нет. В одном нашем селе вагон можно собрать.

– Ха! – усмехнулся он. – Тары нет, подумаешь, проблема. Их можно и в мешки упаковывать. У нас сосед, помню с детства, в мешках яйца с птицефабрики вытаскивал, и боя почти не было. Одной картонкой только ряды перекладывал. На любом заводе по прибытию всегда можно растарить по ящикам. Заниматься не желают ваши бюрократы. Было бы у меня время, я б вашей таре ноги приделал. На многих связанных с разливом заводах бутылка сейчас дефицит.

Этот разговор он вспомнил, когда уже добрался до города и оформлял отгрузку продукции по зачету на бумкомбинате,

– У вас не хватает денег, чтобы полностью загрузить вагон, – сказал ему начальник по отгрузке.

– По взаимозачету допоставку водкой, вином возьмете этот недочет? – поинтересовался Арабес. – Поставлю в течение недели.

Поразмыслив некоторое время, руководство согласилось на водку. Тут Арабес решил вернуться к тем самым бутылкам в поселке, где ему пришлось остановиться после поломки машины.

На следующий день он вновь находился в этом богом забытом районном поселении. Гостиница была та же, в которой он ночевал до этого. Придя в местный радиоузел, он быстро дал объявление о срочном приеме бутылок на водку с поставкой через неделю.

Арендовав в местном магазине небольшое место, он превратил его в приемный пункт. Двое парнишек школьного возраста, один из которых был сыном хозяйки гостиницы, помогали ему упаковывать посуду в мешки. Всем сдающим он выдавал квитанцию с печатью о количестве сданных бутылок. Каждая квитанция гарантировала за каждые двадцать пять бутылок через неделю получение в магазине бутылки водки.

Мешки для складирования, а иногда и ящики жители приносили сами. Вера, что они в конце концов получают обещанное, у них была невелика, но освободиться от надоевшего и мешавшего им бутылочного хлама казалось счастливым шансом.

Через два дня его деятельности им заинтересовалась местная управа. Сначала требовали разрешение на работу с населением, потом потребовали право на работу с алкогольной продукцией и справку от налоговой инспекции, что он исправно платит налоги.

Естественно, их не было, и они за работу в их районе предложили оплатить налоги им.

Он понял, что вокруг него сформировался местный рэкет в лице аборигенной администрации. Поначалу он отговаривался, ссылаясь на незаконность их требований, потом решил потянуть время.

– Через день-два, – ответственно заявил он, – вам придет телеграмма, что с налогами у меня все в порядке и на всю мою деятельность разрешение есть, – и дал адрес: – Пишите.

Понимая, что они выдвигают к нему требования не совсем по правилам, начальник буркнул:

– Затраты на телеграмму – это твои расходы, а нам нужна только заверенная телеграмма твоей налоговой инспекции.

Каково же было их удивление, когда телеграмму с необходимым подтверждением телеграфистка положила им на стол, а копию отдала ему.

– Это фикция, – возмутился местный начальник.

– Проверьте теперь уже сами, – возразил он. – Телефонистка может подтвердить. Запрос я делал по телефону, и она же получила ответ.

То, что по телефону он разговаривал со своей знакомой, которая работала в налоговой инспекции, было его тайной.

Пока начальство обдумывало следующий свой шаг, он успел собрать двадцать тысяч бутылок и заказать машину с расчетом водкой после поставки товара. Затаренные мешки с бутылками он с трудом вместил в фуру, и поэтому часть их разместил без мешков по селу, уложив плотными ровными рядами.

Когда все было уложено в машину, они с водителем поехали на заправку в соседнее село. Там их обещали заправить по недорогой цене левой соляркой. На обратном пути их тормознули на пункте ГАИ при выезде из села. Гаишник предъявил им приказ местного районного руководства. В нем говорилось, что вывоз тары из района запрещен, наряду с несколькими видами других наименований товаров. Машину потребовали отогнать в местное управление милиции. Им пришлось возвращаться в сопровождении милиционера.

Всю дорогу он лихорадочно думал, как же ему выйти из новой тупиковой ситуации, в которую его поставила местная бюрократическая мафия взяточников.

– Это произвол, – возмутился Арабес и, заглушив машину, вытащил ключи из замка зажигания, когда машина поравнялась с домом, где жила хозяйка гостиницы. – Машина в моем распоряжении. Я подожду утра, – и направился в ее дом.

На последние три дня он переселился к ней, так как боялся провокаций относительно себя. Точнее, она ему сама предложила переселиться к ней, чтобы он на некоторое время скрылся от местной администрации. Все это во имя его спасения, так как узнала от знакомого милиционера, что ему хотят как залетному коммерсанту пришить уголовщину или другую пакость, чтобы он не вывез всю тару с района. На этом даже хотели сломать и склонить к какой-то афере, где ему будет уготована роль козла отпущения.

Когда он из арендованной, тоже под гарантии поставки водки, машины вытащил ключи, милиционер на него нервно кричал, требуя их, а водитель, обезумев от происходящего, не знал, кому подчиняться.

– Вы незаконно меня остановили, – настаивал он. – Даже если этот указ местной административной мафии считать законным, уличить в вывозе товара из района меня пока нельзя. Я не пересек границы района. Эта тара – всего лишь строительный материал. Я буду строить здесь дачу, и о каком-то вывозе речи и быть не может.

– Не смейся людей. Из бутылок дом?.. Свет такого не слыхивал. А как же ты будешь рассчитываться с людьми, у которых собрал этот товар?

– У меня есть договор с другой организацией, которая доверяет мне забрать вагон уже поставленных на завод бутылок и привезти им вино. Так что это не ваша проблема.

У него действительно уже была доверенность на получение товара от другой организации соседнего села за поставленную им винному заводу тару. Разваливающая государственная конторка не имела средств на доставку вина с завода, а завод под разными предлогами тянул резину с отправкой.

– Придешь завтра с утра в администрацию, будем разбираться, где тут истина и сказка. Похоже, ты всех здесь за нос водишь, – наконец заявил милиционер.

– Да ты, начальник, скажи своим дебилам, что сначала им нужно помочь мне дело сделать, а уж потом взятки требовать. Вы ж развернуться не даете. Давай, давай, а я пустой.

– Ты, я вижу, мужик непростой, – ответил ему мент, – но на меня не обижайся, с меня требуют. Я выполняю приказ. А приказали мне тебя разгрузить на склад. Из склада товар свой ты сможешь забрать только по суду. Так что думать тебе осталось только до утра, решай.

После этого разговора Арабес задумался еще больше. Машина осталась стоять возле дома, милиционер с местным водителем ушли. Однако в доме у хозяйки его ждал еще один сюрприз. Когда он вошел, то обратил внимание, что хозяйка вся в слезах. Три петуха, вошедшие в дом, чинно склевывали рассыпанные крошки пищи вокруг стола. Он поинтересовался:

– Что случилось?

Она промолчала и, чтобы не отвечать на его вопрос, встала и старательно стала выгонять петухов из комнаты. Два послушных петуха выскочили сразу, а один нахохлился и, недовольный вмешательством, прыгнул на хозяйку, выражая свое негодование.

– Зачем вам столько петухов? – с удивлением вновь задал вопрос Арабес.

– На мясо, – наконец ответила она. – Только петух здесь один, а остальные святые, как и я. Они несущек не топчут, а ждут, когда несущки сами их изнасилуют.

– Зато тот, что на вас прыгает, наверно всех кур и всю живность во дворе перетрахал и к хозяйке в постель готов забраться.

– К хозяйке в постель как раз не этот петух хочет забраться, оттого и плакала, – после некоторых раздумий ответила она и наконец рассказала причину своего горя.

Оказалось, накануне его приезда сюда за посудой ее пытался изнасиловать ее бывший ухажер, который раньше сватался к ней, но получил отказ. Он жил в соседнем селе и периодически навещался к ней, терроризируя и угрожая, пытаясь склонить к сексуальной жизни. Последний раз он пытался изнасиловать ее под угрозой ножа. Ее терпение кончилось, и она заявила в милицию.

– Его посадили неделю назад по моему заявлению за хулиганство, но, видно, выпустили снова, и час назад он вновь пришел и угрожал, – волнуясь, рассказывала она. – Интересовался вами и в каких с вами я отношениях. Сказал, что сегодня придет снова. На прошлой неделе, когда меня вызывали в милицию, он даже из камеры мне угрожал. Ничего не боится, сидит, как пахан, курит хорошие сигареты. Плюется, ругается, и надзиратель ему ничего не говорит.

– Сидит на нижней или на верхней кровати?

– На нижней. Его часто сажают за то или за другое, а потом все равно выпускают.

– Мне все ясно, – задумавшись, ответил Арабес. – Он работает на милицию, поэтому так смело и ведет себя. А раз еще и на нижней койке и постоянно отпускают, то это явная «сучка». На этот раз его наверняка выпустили по поводу моего проживания у тебя. Господа явно что-то замышляют. Мне, наверно, лучше уйти в гостиницу.

– Не уходите, я боюсь. Неужто вы бросите беззащитную женщину? Вы же благородный мужчина, рыцарь, джентльмен.

Он усмехнулся:

– Есть анекдот относительно джентльменов и твоих петухов. Было у бабы семь петухов и одна курица, вот один гость и спрашивает: «Почему у тебя одна курица и так много петухов?» Она отвечает: «Петух, батенька, здесь один, а все остальные джентльмены».

Хозяйка подошла к нему и, нежно обняв, прошептала:

– Его привлекают моя безгрешность и девственность. Здесь меня христовой невестой считают. В монашки я себя сама давно зачислила. Если любимого человека найти невозможно, то, считаю, с кем попало жить не стоит. Лучше уж монашкой остаться и в посте умереть, чем превратиться в отхожее место для подонка. Он меня сразу ославит. Здесь в округе он всех баб уже перепробовал. Не хочу доставлять ему удовольствие и тем более повод для гордости и слухов. Если вы не съедете от меня, он побоится беспредельничать.

– Как знать, – ответил Арабес, – может все быть и наоборот. Им нужна любая зацепка, по которой меня можно посадить на крючок.

– Вы же не откажете в просьбе женщине? Защитите меня. Я лучше отдамся вам, чем предоставлю удовольствие этому идиоту измываться над моим телом. Он от меня все равно не отстанет. Посмеяться надо мною хочет ради своего тщеславия.

– А может, ты тоже с ними заодно?

Она покачала головой и перекрестилась.

– Как знать, как знать. То, что ты до такого возраста дожилась и ни с кем в сексуальной связи не была, тоже странно. Неужто живешь так, будто давно умерла? В наше время, когда девочки в пятнадцать лет знают больше, чем их мамы, это просто кажется невероятным. Может, тебе застраховать свою девственность на случай насилия? – пошутил неудачно он и тут же извинился.

– Бог меня страхует во всем. Вы разве не видите, у меня весь дом увешан иконами и библейскими картинами, это потому что я всю свою жизнь решила посвятить ему и своему приемному ребенку, теперь душа моя с ним. Близость ваша со мной вам должна сулить удачу. Помолитесь небу, если крест у вас на груди, и он даст вам счастливого конца делу. Бог меня простит и ответит вам добром на добро.

– Чувствую, с богом ты в ладах, но креста на груди моей уже нет. Царства же божьего в твоём теле лучше, наверно, незаконным грехом не трогать. Может, он на тебе жениться хочет? Девственность потеряешь не с ним, он тогда точно только посмеется над тобой.

– Я его боюсь, он дьявол и он никогда не сможет стать отцом. Отдать же святое тело и душу ему – значит самой стать дьяволом. По поводу греха, так он вокруг нас, и в природе, и в нашей плоти; не преступив порой греха, не сотворишь добра, да и грех порой может стать добром, – ответила она.

– В этом ты, наверно, права. У каждого свой уровень и планка допустимого греха. Однако разрушение своей святой плоти всегда мучительно для души. Может, лучше прислушаться к зову своей природы и не разрушать ее? Служи, как служила, своему богу и будь счастлива, а там как будет; если вдруг нарушишь святость не по своей воле, то греха на свою душу не возьмешь. По своей воле нарушишь его веру и мораль – ни совесть, ни бог не простят.

– Не знаю что и сказать, может и так, а может и не так. У каждого, соглашусь с вами, в этом грешном мире и природа плоти своя, и свой уровень греха. Я любой своей грех давно отмолила постом, если и сотворю что, то непощеным грехом мне уже не зачтется.

– Это уже своя правда, а не божья. Мы все в этом мире живем под сводами храма золотого денежного тельца и поклоняемся ему, как религии счастья. Деньги или сила дают право на любую любовь, ломают существующие устои морали и формируют бытие жизни, как религию поклонения. Не противиться этому злу насилием призывает и твоя вера. Так в чем же дело? Не противься.

– Это не моя вера, а дьявола, она калечит жизнь многих и многих не верующих в Господа.

Арабес смотрел на ее полные слез глаза, и грустные мысли стали мучить его. Продолжать беседу на эту тему ему явно не хотелось, но, смотря на ее пронизанное болью лицо, он почувствовал жалость к ней. Тут из жалости он вдруг погладил ее по голове, и она, взяв его руку, прижала к своей груди. Он не стал отдергивать ее. Лишь утешительно продолжил:

– Души людей, как ни крути, все-таки завясят от божьего зова и состояния тела. Хотя русская душа всегда искала своего – свою правду, своего бога, и чаще в себе, а не в небе. Искание истины и любви – черта нашего характера. Даже в возлюбленном своем ищем союзника по исканиям. Искание – наша религия, и кто не принимает эту религию души и не говорит на одном языке, то и возлюбленными не становятся. Они и являются ключом души.

Она стала креститься на одну из своих икон, стоящих в доме, он замолчал и не стал утверждать ей свое понимание. Она, закончив креститься, возражала:

– Для нас, верующих, все разные люди перед богом равны, хотя по грехам и не очень равны. Ныне у большинства бог – деньги, у кого-то они – истина добра, милосердия и терпимости. В этой куче правды моя правда – это святая любовь, как бог.

– Вот-вот: все мы ищем своего бога, которому готовы поклоняться с рабской покорностью. Но я не осуждаю тебя за это. Не урони этого, если это счастье твое. Мне же кажется: надо, чтоб боги служили нам, а не мы им, и тогда счастье будет у всех одно. Твоя религия – правда святой любви – стоит на том, чтобы только презирать страсть, и призывать к вечной любви, которая не может быть не вечной, должна дарить счастье. Однако счастье человека должно жить в гордости свершенного, и это может быть жаловано честью и почитанием самим Господом и его верой. Ты, заботясь только о своем духе, не признаешь плотского влечения совсем, а плотское здоровье – это храм святого духа. Вечной идеальной любви быть не может, так как она просто перерастает в вечное слияние душ. Ты этого знать не хочешь, как и того, что без наличия энергии тела ни любовь, ни страсть неведомы никому. У тебя хоть и, может, была любовь, но в слияние душ она, видимо, успеть перерасти не смогла, и осталась только тоска.

– Бог с вами. Верьте в бога, и он даст вам энергию вечной любви и слияние в одно мгновение.

– Только мне все это дается вне божьего закона. Однако моя любовь тоже определяется божьим временем свыше: сколько он даст, на столько и счастья прибавит. Вечностью чувства насиловать нельзя никого, а потому и клеймение любви временем может требовать покаяния, но не греха. Люди со временем поймут, что грехом может быть только нарушение этого вре-

мени, и напишут другую библию, где любая власть, как и божественная любовь, будет подчинена природе и энергии борьбы человека, способной выразиться во времени.

Сидя уже за столом и уплетая за обе щеки приготовленные ею блюда, он как бы несерьезно относился к ее желанию. Подумав над тем, что сказал, решил более серьезно подтвердить высказанное и прочитал ей стих неизвестного автора, думая, что он относится к их беседе:

Я мытарь чести, мысли, слова.
Пусть будет вам моя дорога,
Для созерцанья, как Бога,
Нам жизнь язычества Христова.
И в этой яви суть – природа,
Где сын, отец и святой дух —
Диктуют нам с природой путь.
Единый бог единой веры
Перстом откроют счастья двери...

* * *

– Троиединство бога-отца, сына и святого духа вы рассматриваете в единстве с язычеством? – спросила она его.

– Ну, если рассматривать святой дух как природу, красоту и женщину, то почему бы нет. В таком виде библия может быть программой построения рая на земле, а не сводиться к обещанию его на небе. Настоящая библия ей являться не может, потому что всех пытается загнать под одну мораль и этим зомбирует людей к терпению, а не стремлению к ощущению рая в жизни. В природе бог дал каждому виду свою мораль. В новой библии люди будут подчиняться только закону красоты, потому что создание красоты есть истина счастья, в которой должна жить честь и святость каждого.

Что-то ее не устроило в этом его ответе, и она прошептала:

– Как печально; мне кажется, все не так. По настоящей библии тоже понятие добра можно считать понятием красоты, и ее создание есть божественное явление.

– Так ты, похоже, считаешь, что жертва телом богу – это явление высшей святой красоты и добра. Только нашему богу она не нужна, да и душа по большому счету тоже, хоть, по твоим понятиям, он хозяин душ, а по моим – не закрепощенное лишениями тело и дух, истина и красота. Потому моя истина не всегда с божьей в ладу, и я, выходя, дьяволу иногда дань несу.

– К красоте можно прийти только через гармонию с самим собой и богом, потому гармония и есть божественная красота. Нужно стремиться к взаимной любви как гармонии, и не только к себе, а через себя. Этого можно достичь постоянным совершенствованием своего тела и духа. Это значит – стяжать бога и любовь окружающих со святыми ценностями.

Арабес смотрел на нее и думал: «Ну вот куда ни ткну, опять натыкаюсь, то с одной, то с другой стороны, на какие-то мутные понятия и несогласие с собой». То же самое он чувствовал и с Шаманкой, и с Анной, как будто все дамы – и святые, и грешницы – были в чем-то всегда несогласны с ним. Чтобы всегда оставаться самим собой, он уже привык настаивать на своем взгляде, выработанном с годами раздумий. Нравился или не нравился он его собеседникам, старался всегда убедить в нем всех, так как это стало его жизненной позицией. В этом случае он тоже не хотел уступать и решил растоптать убеждения и этой наивной или даже зомбированной божьим поклонением дамы.

– Что ни говори и как не крути, – продолжил он, – в любви человек сливается с природой самого себя и окружающего мира, и только она божественна. Это слияние есть выражение природы как мига зачатия. Этот оргазм души есть созидание красоты, общения как единой

ценности природы и человека и развития бога в себе. Смысл существования богов – служить людям, помогая им творить красоту счастья, а не угрожать им карой смертного греха, ибо без этого счастливого общества создать нельзя.

– Что вы говорите! Бог не может поклоняться людям. Жить в любви значить жить с богом, и поклоняться ему – наш долг, и иначе быть не может.

– Казалось бы, это так: подчиняясь его законам, мы должны сотворить любовь на земле, а не себя, однако все это предполагает только платоническую любовь индивидуального аскетизма и жертвенности. Личного счастья такая жизнь дать не может, а значит и счастья.

Она смотрела на него изумленными глазами, а он продолжал:

– Брось бороться с телом, – настаивал, увидев ее печаль на лице, – и удовлетворять себя сама, как все монашки в монастырях или снах, – это тоже грех. Более того, борение с телом может иметь плохие последствия в душевном плане, и все это может отразиться на психике, и не только своей.

Подчиняясь диктату божьего поклонения супротив внутренней природы, счастливыми всех сделать нельзя, и более того: не отвечая большим злом на причиненное зло, поощряем большее зло. Беда еще и в том, что любовь вечной может быть не у всех, и это не грех, а явление тоже божественной природы. Кроме того, когда любовь завладевает рассудком человека, он готов нарушать и божьи заповеди, а богу надо, чтобы рассудок человека принадлежал только ему, хотя любовь тоже бог.

Наши боги всех религий требуют преподношения страсти, греху как жертвы благу, а значит и любви, ибо без страсти ее не может быть. Если же любовь это бог, то зачем он постоянно просит жертвы бога – любовь в жертву себе, своему писанию, разделяясь так в самом себе?

Умерщвление телесной страсти равносильно убиению счастья. Слепое подчинение слову божьему равносильно рабству и узурпации сознания под драпировкой божьей благодати. Почему человек должен мучиться от природы любовных чар, очищая сердце от страсти, и почему поклонение ей вы готовы приравнять к еретическим обрядам? Разве религия со страхом за проявленную страсть может существовать вечно? Зачем нужна кара небесная, если зло за зло, глаз за глаз – это грех и в тоже время основа божьей силы? Однако счастье человека всегда связано со свободой потребностей тела и духа, а не их рабством. Если эта свобода не наносит вреда другим людям, и имеет меру благодати, и укрепляет здоровье нации, то она должна признаваться нравственными установками всех. Только поклоняясь свободе потребности, через дарственную благодать произойдет слияние бога с человеком, и этот принцип должен стать основой единой веры и божьей значимости, где бог – образ, дарующий по этой значимости жизнь и счастье, а не кару. Так я думаю, – ответил он, как будто выдавил из себя что-то важное.

– По-вашему, гуляй, грехи с кем хочешь в полной свободе, но это тоже разврат? Понятие греха тогда в чем?

– Нет, конечно, право на всякое «хочу» любви должно быть дано богом каждому как спущение заслуженной благодати, не по его взбесившейся душе, а по его божьей значимости. В дальнейшем по мере стяжания бога и развития заслуг право это может изменяться, ибо божье право и есть мера его любви. Ощущение греха должно быть у каждой нации и общины свое, но это свое должно быть согласовано с общим по духовной значимости и мере дозволенности. Духовные ценности не могут быть равными, и только полное их отсутствие может быть грехом.

– Ну тогда я свое «хочу» не как грех, а как божью волю и благодать должна иметь?

– Ты думаешь, если ты заслужила свое «хочу», то дай тебе и положи, кого захочешь, на всю жизнь? Надо, чтоб это «хочу» бог дал и тому, кого ты «хочу». Смысл жизни – это постоянная борьба, чтобы это было постоянным и обоюдным «хочу». Только если вечной райской жизни с единственным возлюбленным, как это планирует Бог, не происходит, то и дьявол здесь тоже ни при чем и не поможет.

– Нет, нет и нет. Вы что-то говорите не то, или я вас совсем не понимаю, – она стала креститься, шепча какую-то молитву.

– А чего тут понимать и молитву зря читать? Библия хоть и является напутствием любви, но концепцией для построения счастья и мира любви, как рая на земле не является. Через любовь к богу в постель не ложатся, а только по зову любви к телу и душе возлюбленного. Если эта любовь – всего лишь состояние души, то в каждый промежуток жизни она может изменяться от внутреннего состояния каждого. Счастье, как ни странно, зависит только от этого, и вот тут хоть думай, хоть не думай, хоть молись, хоть не молись, а если не допустить свершения рая в душе, то его не построить и на земле. Нужно внутренним состоянием человека управлять, но как? А Бог пока не знает как. Вот звезды еще влияют, но их трудно поменять, вот потому русский мужик и применял кулак.

Все наши религиозные концессии этим не занимаются, их больше занимает воспитание сознания терпимости. Учат прощать зло и терпеть несправедливость этой жизни, так как на нее влиять не могут. Даже любить заставляют только какой-то соборной любовью тех, кто любит Бога, ибо ближним может стать только тот, кто служит ему и постоянно насилует свою душу или плоть.

Он замолчал, поблагодарив ее за угощение, и пересел на диван. Она уселась рядом. Он из жалости опять подумал: «Обнять ее или...» – и тут задумался над разумностью этой необходимости. Осудив свое стихийное желание, заметил себе, что тут сам уже хочет насиловать себя. Что же в этот момент считать счастьем – суметь запретить или использовать свободу для стихийного желания? Сильная личность всегда умеет отказывать себе и подчиняться рассудку. В чем же больше смысла праведности, спросил он себя и, отогнав это наваждение мыслей, продолжил, как будто самому себе:

– Смысл жизни, однако, в борьбе за то, чтобы свое «хочу» не было насилием своего сознания и природы другого, которое стоит перед выбором чужих, а не своих желаний. Полного слияния с природой в том и другом случае не получится, и «хочу» одного не станет «хочу» другого, которым не живешь и не желаешь.

– Ну раз это так, почему бы вам просто не преклониться перед просьбой женщины? Что вам мешает? Некоторые тратят массу времени и денег, чтобы ради спортивного интереса и своего торжества, наподобие упомянутого мною мерзавца, не покорить, а любым путем взять женщину, а тут на – вам жертвую себя на халяву, – она положила на его плечо голову. – Или вы будете ждать поцелуя своего бога «хочу»? У вас что, нет божьего зова мужской чести и природы?

– Этот зов – проблема женщины, и поцелуй бога с зовом или нет тут ни при чем.

– А мне кажется, что вам мешает ваша странная религия. Если она мешает отвечать мужчинам на чувства женщины, тогда вы никогда не дадите счастья другой, а значит и себе. Где же тут слияние с природой?

Арабес опять задумался. Он все еще подозревал какой-то подвох, который могла уготовить местная мафия в лице этой христовой невесты. Могут и насилие пришить, а ему этого совсем было не нужно. Однако все выглядело искренним желанием, но он отогнал эту мысль.

– Нет, это не моя религия, да и не ваша, но мне сейчас и не до женщины. Меня преследует какой-то женский рок то с одной, то с другой целью. Я в нем как скорая помощь на грани провала своего понимания смысла жизни, преданности и своей затеи, – ответил он и, как бы между прочим, рассказал историю:

– В Монголии есть обряд: если женщина посидит на символическом фаллосе из камня, лежащем не святом месте, против женского влагалища, то в течение нескольких часов бог обещает ей иметь сексуальную близость и исполнение желания. Мужчина, нарушивший это божье повеленье, карается им. Не знаю, есть ли для мужчин такое же святое место с божьим повелением. Наверно, нужно, чтобы все-таки оно было. Непорядок, когда для женщин одно есть, а для мужчин нет, пахнет несправедливостью.

– А что бы вы тогда хотели?

– Не знаю, но на месте бога я бы женщинам и мужчинам, нашедшим у статуи обнаженной богини оставленные желания, просил бы считать святыми только в том случае, если рядом были божественные изваяния, поклонение которым узаконивало бы отказ в таком святом желании. Исключающие друг друга желания могли бы не выполняться или грехом не преследоваться. Если они уж взяли их по божьей воле, то в течение нескольких часов обязались бы исполнить и возводились бы в талисман удачи на счастье во всех других желаниях и делах.

– Мне бы сейчас такой ритуал, – прошептала она.

– Однако для этого мужчине для страсти необходимо предлагать и божий напиток любви. Тогда бы это полностью призвало их сущность к торжеству слияния с природой, но эта природа была бы уже искусственной природой, созданной извне человеком.

– Вполне символично и в духе ваших убеждений. Многие женщины восприняли бы его как прекрасную возможность.

– Да, страсть в любви является смыслом и правдой тайных желаний всех. Вот и думаю теперь: почему мы должны бояться и скрывать необходимость интимных желаний? Однако они возможны только тогда, когда рушатся имевшиеся душевные привязанности. Для этого нужно только мораль привести в соответствие с жизненными ситуациями. Твоя религия здесь не помощник, нужна религия – любовница, жрица и целительница человеческих отношений, с заботой о душе через состояние тела. Не стесняясь повториться, скажу, что тело – это живая природа человеческой души, ее храм. Соответственно, душа – храм любви, а любовь – храм человечества. Вот только очарование красотой является храмом страсти, и эта страсть всегда жива жаждой красоты и жаждой тела. Из формы удовлетворения страсти вырастает храм счастья, если, конечно, появляется очарование души, как храм любви. Извини, но у меня не сработал магнит этой страсти, и очарования твоей красотой не возникло.

Она от этих слов будто сошла с лица и, замявшись, произнесла:

– Мне почему-то казалось, что чем больше люди приближаются к богу, тем им легче приблизиться друг к другу.

– А мне кажется наоборот, – возразил он. – Восприятие незаконного греха всегда больше отделяет людей друг от друга. Нужна религия, в коей страсть греха жила бы всегда, и без ядовитого напитка осуждения. Не каждый мужчина способен исполнить желание женщины, а настоящая религия своими обрядами, чтобы такие желания возымели силу, не обладает. Все ее существующие обряды только скрывают их под драпировкой благородности и приковывают к вечности. «Разруби полено, и я буду там, подними камень, и увидишь меня...» – это слова Христа. Они тоже говорят о зове природы, но не гонят ни в баню чувств, ни к костру страсти, а убивают их радость. Божья воля не защищает, а преследует нас за это. Может быть, это послужит моим оправданием, извини.

– Неправда, Бог всех защищает, но стремиться уподобиться Богу или искать его в себе – это грех, да и в вас я таких желаний не вижу, и в библии таких слов не читала.

– А их, кажется, и нет в библии, но это слова Христа. Их пытаются оспорить, так как они говорят о том, что окружающая и внутренняя природа человека божественна. А значит, и зов ее плоти должен быть таковым.

Он, поглядывая внимательно на нее, опять задумался над своим ответом. Вспомнив недавнее подобие случая с Анной, прервал разговор. Она не нарушала томительного молчания и думала в это время тоже что-то свое.

Думала, что делать, если она как женщина совершенно не нравилась ему и поэтому у него нет ни желания, ни страсти обладать ею. Теперь уже останется наедине со своим преследующим ее и принуждающим к сексу насильником. «Так зачем же, спрашивается, я должна богохульничать и делать с ним то же самое, что кто-то подобное с ней?» – спрашивала она себя.

Нет, она никогда себя дурнушкой не считала. «Значит, что-то другое, – решила она. – Да, кажется, он говорил о душевной привязанности, и это ему, видимо, мешает». Ища спасительный ковчег этой патовой ситуации, она наконец нарушила молчание и стала рассказывать:

– До последнего времени мы жили с братом. Он до конца жизни тоже веровал и служил богу. Оставаясь святым праведником, был ангелом-хранителем для меня. Вы сейчас живете в его комнате. Когда он был рядом, мне было спокойнее. Он не давал меня в обиду ни в школьные годы, ни после. В юности я была белой вороной. Поцелуй с парнем в школьные годы вызывал у меня брезгливое чувство, и я никого к себе не подпускала. Когда его знакомый стал ухаживать за мной, я на него поначалу не обращала никакого внимания. Когда его провожали в город на учебу, мы после застолья долго играли в хоровод и ручеек. Тогда он из всей компании постоянно выбирал меня, а потом танцевал, и в конце вечера мы пошли прогуляться на речку. Он искупался, а потом побежал в лес и нарвал мне цветов. Идет и несет цветы, и гляжу я на него, а он такой слаженный и как будто светится каким-то божьим светом, по мне искорка пробежала. Я прониклась женским чувством. Так началась любовь. Мы уже договорились о свадьбе, но судьба не сложилась. Его забрали на службу. Я в своих фантазиях видела уже наших детей, лелеяла их и радовалась будущей жизни. Дьявольский рок оборвал мои фантазии: он не вернулся с Афгана. Получив печальное известие, я впала в отчаяние и в горе наложила на себя руки, но меня спасли. В душе наступила полная пустота и одиночество. Благодаря сочувствию знакомой старушки я вернулась к жизни.

Она говорила, что если бы из-за каждого мужчины, погибшего на войне, их любимые женщины кончали с собой, то в тылу было бы больше трупов, чем на фронте. В общении с ней я поняла: в любви нельзя опускаться до смерти. В этой жизни нужно оставаться ее творцом, а не ее жертвой. Она приобщила меня к Богу, и я, как и она, стала служить ему. Служа ему, и до сих пор сохраняю любовь к своему суженому. Каждый день я стараюсь выходить в семь часов на улицу и около часа дарю его памяти. Мы в это время с ним обычно встречались. В это время и сейчас я ощущаю его поцелуи на себе. Мне кажется, что я все еще жду его, как в стихе «Жди меня» Симонова.

Когда я прихожу на его могилу, то стоит мне прикоснуться к его кресту, как мне кажется, что его душа в его обличии выходит из могилы и является предо мною. Он садится на свое надгробие и начинает со мною вести душевные разговоры.

– Ты, – говорит, – поставила мне крест с душой, поэтому тебе стоит коснуться его, и моя душа является к тебе. Она не улетела на небеса, она будет всегда рядом с тобой. Души любимых всегда остаются с душами любимых ими.

Арабес выразил что-то вроде удивлений, но она продолжала:

– Это действительно так. Мыслями о нем наполняется вся моя жизнь. Для некоторых все это странно, но я ничего с собой поделывать не могу и, похоже, уже никого не смогу любить кроме

него, так как думаю о нем как о живом. Это была моя богом посланная половина, и другой половины в этом мире для меня больше нет. Бог двух половинок своим любимцам не дает.

– Выкинь эти мысли, у тебя все еще впереди. Бог за такую любовь к нему все, что попросишь, даст. Ты настоящий ангел, нужно только расправить крылья. Не думай о счастье в каком-то божественном будущем, живи настоящей, и только настоящей жизнью. Заставь себя полюбить человека, который мог бы быть с тобой всегда. Я не тот, кто тебе нужен.

Я тоже был в Афгане, выжил, но души твоего погибшего возлюбленного во мне нет. Ты не вздумай фантазировать по этому поводу. Многие из нас-погибших просили отлюбить и за них. Наказ вроде бы святой и как долг, но уместен ли здесь и с тобой? Как же можно себя заставить любить нелюбимую даже во имя долга военному братству?

– Молча, стиснув зубы, если считать, что долг платежом красен, а тем более военный.

Ее ответ его обескуражил, и он не знал что ей ответить, а она, усмехнувшись, посмотрела на него, поднявшись, отошла.

– Да, жизнь не похожа ни на мои, ни на твои фантазии. Если это так, то...

Она перебила его:

– Бог если есть, то он должен по желанию каждой невесты погибшего солдата дарить души погибших живым их собратьям, и даже их чувства.

– Выходит, ты уже начала сомневаться в его существовании. Иначе получается, что каждый выживший солдат должен иметь как минимум две души? Неужто предполагаешь – нам, выжившим мужикам, жить разделенными на несколько душ? Они же его разорвут на части.

– Есть же полигамная семья, так почему же не может хоть на время быть полигамная душа, чтоб вдовы не мучились хоть иногда?

– Душевный гарем кормить в себе не каждому по карману, и не грехом ли это будет?

– Если это будет за себя и за того погибшего парня божьей наградой, то может быть и честью, без душевных мучений и затрат. Пусть это будет жизнью во благо, чтобы такие, как я, не мучились переживаниями по поводу погибших возлюбленных.

– Ну, вот ты и сама изменила своей вере, – с усмешкой отвечал он. – Своего бога придется забыть и поклониться другому богу, который будет заботиться о душах погибших, чтоб они попали в безгрешные тела. Души погибших во имя живых становятся святыми, и в какое живое тело они переселятся, ему должно быть все равно. У нас после всех войн должны жить одни душевные монстры с душой своей и еще святой, и не одной. Выходит, и с женой надо будет жить, и уметь налево ходить, чтоб в грехе не жить. Души ревновать же друг друга будут.

– Настоящий бог должен заботиться о теле, чтоб в нем души не бунтовали и порядок знали.

– Тогда надо будет признать, что тело создано наподобие русской матрешки, а не по его подобию, или не у всех. Ту плоть, которая находится ниже шеи, нужно уже не убивать, а уметь дарить – она, видимо, богом для этого и создана. Чем больше она будет в состоянии удовлетворения, тем выше будет гармония плоти и духа и ближе к счастью, а значит и к богу, будем все мы. Духовное оскотление, как и физическое, может иметь только один смысл – кары. В данном случае тебя карать – значить богу грех на душу брать. Пусть избавит Господь таких от всех мучений и даст любви.

Тут он обратил внимание на шкаф, что стоял у стенки рядом, и увидел на нем несколько деревянных, художественно разрисованных в русском стиле витязей. Они стояли ровным рядом, с копьями, щитами и в шлемах. Посередине этого ряда находилась картина богини любви.

– Красивые фигурки и хорошие защитники богини. Целая божья дружина.

– К сожалению, не защищают и никого не пугают, только красотой своей привлекают.

На красоту этой дамы не реагируют, как и вы на мою. Вы чем-то похожи на них, тоже, как они, чего-то боитесь.

Такого напора от этой божьей коровки он не ожидал и думал, что же это все значило. Находясь в обостренной обстановке с местной административной мафией, он не знал, чего ожидать, и никак не хотел ее обидеть. Она, видя его некую молчаливую растерянность, решила его успокоить.

– Да, отдаться не по любви – значит взять на душу грех, – подтвердила она начатый ранее разговор. – В греховном теле не может быть чистой души. Святое дело требует святости во всем, тем более когда служишь богу. Вот вам я готова отдать себя всю оттого, что нравитесь, и это тоже посчитаю святым делом. Однако вас я не интересую, видно, я очень стала непривлекательна и любви не вызываю, а без взаимной любви порядочный мужик, как и я, грех на душу брать, поэтому, не будет. Или бога все-таки боитесь?

– Да нет, я другого боюсь, а у тебя с красотой все в порядке. Дело не в тебе, а во мне и ситуации, в которой я нахожусь. Для меня взять святое тело и сразу его душу – это все равно что украсть чужое счастье, как вещь, которая мне совсем не нужна. Отдать свое тело без души – это тоже должно быть грехом. Тела без души на земле не бывает. Делить, разрезая себя на части, – это значит получать не удовольствие, а боль. Другой вселившейся в меня души пока не чувствую.

– Жалко, – произнесла она с сожалением.

– Тебя же христовой невестой зовут, и делить свою душу между Богом и мужчиной тоже, наверно, грехом для тебя станется. Это хуже, чем разделить душу между двумя возлюбленными, но это скорее ко мне относится, а не к твоей вере. Хотя если возлюбленный тебе заменит бога, то любой грех святостью может стать, но для него ли? Только, по писанию, святой дух Христа зачат тоже был не по любви, а по здравому смыслу, да еще с мужней женой, когда свободных было море, и святой девственницей ее как-то сумел оставить. Зачал и забыл – и вроде как во благо и спасение этого мира сотворил, но мир-то пока от бед не спас.

– Вы меня тоже не спасаете, хоть, наверно, и к святым себя не относите, но почему не можете сделать жертвенный шаг во спасение? Может быть, Богом моим после этого станете? Скорее, боитесь женщин, они ж и родить могут, а этого мужчины боятся больше всего, перед богом или совестью ответственности нести не хотят. Только на разделение души пенять не надо. Мне так ваша душа не нужна, я сама жертвенница и сама душу свою вместе с телом готова отдать, хоть на мгновенье, но только в хорошие руки, и делить, разрывать чужую душу не собираюсь. Понравились вы мне, и все тут.

Она вновь прижалась к нему и, будто обнимая его руку, продолжала молвить:

– Мир этот, какой бы он ни был, только мы, женщины, не исправим, но счастье один другому подарить может. Если он действительно погряз в грехах, то бог все исправлять не обязан. Все лучше будет, если мы против воли своей святой идти не станем, то духу, и телу, и божьему промыслу противоречить не будем, если социальному злу торжества не допустим.

Эти ее слова задели его, будто в них прозвучала молитва к действию, но все было как-то не так, как делалось у простых грешников, где страсть не вымаливалась, а разжигалась. Она же продолжала, как за упокой, уговаривать его, будто вымаливая снисхождения:

– Последствий можете не бояться, я сама своих детей теперь уже, наверно, иметь не смогу, мой организм отравлен химией. После смерти своего суженого работала некоторое время на химическом предприятии и попала в аварию, теперь могу родить только больного или дитя-урода. Родить и заставить человека мучиться на этой земле – значит тоже взять грех на душу. Чтоб не жить в одиночестве, я воспитываю ребенка, взятого из детского дома. Воспитать дитя – это все равно что топтать дорогу к богу, в вечность, в будущее. Это наше женское святое дело и счастье.

Тут она среди строя своих витязей достала тетрадку, полистав ее, открыла среди других стихов стих «Женское счастье» и стала читать:

«Да, беда, бада, бада!
Ба! Бода» с утра всегда.
Шарики за ролики,
Ролики за шарики,
В счастье малышня.
По судьбе родила я
Для себя смешариков.
Бегают, катаются,
Жизнью наслаждаются
И кричат: «Бада! Бада!»,
Будто где-то есть беда.
То ли радость без ума,
То ли резвость без конца.
Слово вроде – их игра,
Как безумства чехарда,
И порой игра в войну
Меня бесит, но терплю.
Доз! доз! Первертоз,
Баловство их как невроз.
У кого галка,
У кого палка.
То доз, то первертоз,
Кто донес, кто перенес.
«Ой, бада! бада! Бода!» —
Слышу крики их всегда.
Только это мне не беда,
Я когда-то в детстве такую же была,
Так же для родителей баловнем слыла.
Жизнь так повторяется,
Счастьем называется.
Семеро по лавкам,
Нравнодушных к сказкам
И, конечно, к ласкам.
Радуют по-разному смешарики меня,
Особо когда кушают пирожки с утра.
В этой детской радости душа и жизнь моя.
Разве не для этого дела мы живем?
Женскую святую долю познаем.
А «Бода! Бода! Бода!»
Пусть нас радует всегда.

* * *

– «Темная ты личность, Светлана», – сказал бы я тебе, если б не последнее обстоятельство. Чтобы одинокой женщине в наше тяжелое время взять на воспитание ребенка, нужно иметь как минимум не только геройский характер и святую душу. Непорочной божьей овце разве это под силу? Более того, ты хочешь сказать, что в этом счастлива.

– Все мы овцы божьи, и он наш пастух, – отвечала она, начиная снова накрывать на стол.

Он остановил ее, сославшись на то, что она его уже накормила. Тогда она достала вина, налив себе и ему. Они выпили, а он утверждал, продолжая разговор:

– Вот и хозяйка ты хоть куда. Не понимаю, почему божьим угодникам на этой земле бог полного семейного счастья не дает? Если бы у каждого из нас за спиной был такой мешок добра, как у тебя, мир стал бы намного прекрасней. Только такой мешок добра не может заменить мешка денег и его не передашь по наследству, как и права на сладкую жизнь не купишь.

– Сатана правит миром, от этого и все беды мирян православных. Не только любить, но и рожать на этой земле скоро не от кого будет. Все пьют, курят, колются, детей бросают и в бога не веруют. Не только вырастить ребенка, но и родить сейчас сложно. Дать образование и воспитание, когда работу найти трудно... Ребенок становится просто роскошью, и не только для одиночек. За грошовую зарплату и такую же подачку от государства на рождение и воспитание молодухи рожать не рискуют, да и рожать скоро неспособны будут. Однако только вырастишь, дитяtiu сразу родину защищать заберут, а родина что для воспитания делает? Вот мне и защитник, и собеседник нужен. Каждая для своего продолжения потому хочет иметь только одного, и то когда в тираж выходит и смысл жизни уже теряется. Я тоже живу сыном и надеюсь на божью милость: как-нибудь выращу.

– Бог-то бог, да сам не будь плох, – выразился он в подтверждение ее слов.

Ему отчего-то стало совсем грустно от них. Он достал сигарету и решил выйти, чтобы покурить. Она взяла сигарету, попросила не грешить и побережь свое здоровье, чтобы рок над его здоровьем не висел, и замолчала. Потом добавила:

– Видите, я равнодушна к вашему здоровью. Говоря, что этим роком, как мором зла, выкашивает весь народ, будто война идет по земле, по себе сужу, но я зла этого на химическом комбинате наглоталась.

– Да я не взатажку, – отшутился он и добавил: – уговорила, – уже усевшись снова, готов был продолжать общение. – Если бы общество заботилось о здоровье нации так же, как ты о моем, то нерожавшим девушкам работать на вредных предприятиях оно бы запрещало. Жалко, что о генофонде нации сейчас никто думать не хочет. Ныне говорят, что за границей масса людей после смерти и разлагаются тяжело, потому что едят все искусственное, а потому и дети рождаются более болезненные, чем раньше. Тело ведь от времени и без этого ветшает, теряя свою прелесть независимо от грехов и социальных условий, и к своему воспроизводству становится непригодным. От этого и душа каждого меняется, да и борьба за жизнь быстро слабеет. Ты тоже надела на себя обет аскетизма. Лучше уж грешить и рожать, даже если замуж не выходить, по-любому, пока женщина в теле. Если тело с руками становятся неспособными прокормить человека, то душой уж точно не прокормишься. Бога на небесах почему-то интересуют только душа и добро, вот и вымираем, как мухи в морозы. Ныне нужен мешок денег за спиной, чтобы не болеть, а добро его не дает и тем более не кормит и к власти не ведет.

– Как вы можете так говорить? Разве вера угрозой греха не заботится о здоровье тела? Вот только понятия греха на предприятиях нет, и с техникой безопасности она не дружит и не карает, а там плоть убивают порой, как на войне.

– У предприятий души нет, а вера стремится к власти над душами, думая, что завладев душою, получит ее навсегда, а на войне душами тело на погибель посылает. Распоряжается ими, как своей собственностью. Однако не накормив тело, душой завладеть тяжело. Бог твое тело не кормит, а ты уже отдала душу его власти. Не понимаешь, что не бог, а только тело кормит и воспитывает душу. Голодное и больное тело кормит злую душу. Власть над душой должна быть своей и такой, чтоб она служила телу в благодарности за то, что оно позволяет жить в нем твоей душе. Тело же должно служить делу красоты – личного счастья, как добру, и эта красота должна зависеть от божьей или народной значимости. В этом суть гармонии жизни, и это должно быть культурой, верой и честью каждого.

Детям, тем более если у тебя была бы девочка, то ты как мать должна передавать такую веру и какой-то женский опыт личного счастья, пережитый самой, а у тебя его нет, кроме божьей значимости, которая для личного счастья тебе ничего не дает.

– У меня мальчик.

– Это тоже проблема. Одинокая женщина подсознательно воспитывает в нем подобное себе существо – женоподобного мужчину. Ты живешь не своей, а чужой, искусственной, построенной на иллюзиях жизнью. Спроси себя: есть в твоей жизни смысл и хотела ли ты своему ребенку такой же жизни? Человек должен ощущать жизнь всеми органами, тогда это жизнь, а не существование. Аскетизмом можно оправдать только жертвоприношение за грехи, и я опять повторю. Ты этот крест несешь, а зачем, за какой грех?

– Вам меня не понять. Это все слова, что почувствовать нельзя. Я мечусь между душой и действительностью. С моей душой никто кроме бога не ложится, а с жестокостью, хамством не хочу ложиться я. Это моя действительность, а о чем вы говорите, мне непонятно.

– Да вы, сударыня, хоть и жертва религиозного воспитания, без любви – ни тела, ни поцелуя, но в такой ситуации, что я не знаю, как бы поступил. Как будто коса нашла на камень. Похоже, мне нужно помолиться и со своим богом посоветоваться. Если судьба не обещает человеку любви на протяжении всей жизни, то миг любви может быть и спасением, и единственной радостью, если другого решения нет.

Я помолюсь, только вот не знаю, какую молитву прочитать, чтобы божий поцелуй получить.

– Греха боитесь, но для созидания добра его быть не может вообще. Вы же говорили, что ради какой-то благородной цели в грехе не может быть греха, и это вы, наверно, говорили про себя. А по мне, грех есть грех, и его как ни крути, а прощения все равно проси. Нет у меня цели такой, ради которой на грех можно было пойти, а вот готова идти. Бывают случаи, когда из двух грехов нужно выбирать меньший. Если же на моем пути лег камень с надписью: «Налево пойдешь – грех от зла обрешь, но королевой станешь, направо пойдешь – грех от добра получишь и сердце потеряешь, а прямо пойдешь – призраком того и другого станешь», то в этом выборе я бы пошла направо. Это потому так, что ни королевой зла, ни спутницей ее, ни призраком стать не хочу. Сердце бы рассудком заменила.

Он усмехнулся и произнес строчки из своего стиха:

Нам бы, нам бы, нам бы всем за облака,
Там бы, там бы, там бы в грехе не знать греха...

Потом умолк и, подумав, добавил:

– Ну, тебе впору собирать и накапливать дела добра. Там, за облаками, передавала бы их всем грешным для оправдания их или по наследству своим. Если там, за облаками, у Бога есть банк добра, он на его святую валюту душ печатать начнет. Станешь его банкиром, чтобы вершить свой или божий мир добра. Кто с большим мешком добра придет, тому большую райскую жизнь придется дарить. Только опять неравенство в раю появится и преклонение перед большим мешком добра станет. Дела добра могут начать воровать или у добрых их отжимать, чтоб грешных спасти.

Она усмехнулась.

– Это ваши фантазии и греховный обман, рассчитанный на безбожных мирян. Грехи делать все бояться болжны, да и дела добра украсть нельзя. Равенство на сотворение добра для всех должно оставаться. Только каждый должен начинать его творить с нуля своего. Творить свои благие деяния, как и получать, нужно с чистого листа, по своим воздаяниям богу, как душу с рождения.

– Ну вот, ты вроде бы согласилась со мной, что бог и вера должны за содеянное добро давать власть и создавать каждому свой рай. Общий рай не каждому может показаться раем. Такое можно и на земле сотворить, каждому по его воздаянию свой рай в нашем быту. Только кому и как свои благие дела оставлять на земле, когда тебя в рай пригласят? Божья валюта,

божий банк добра и манна с небес – чем, конечно, не рай, бери ложку и черпай. Многие грешники за счет благих будут ложкой манну черпать, как же справедливость соблюсти?

– Да выкиньте эти мысли из головы, забудьте и больше не думайте об этом. Мир все-таки держится на божьих праведниках и добре, иначе Бог давно разрушил бы его. Он и сейчас ждет талантов доброты, чтобы удержать людей от глупости, – с наивным утверждением возразила она. – Так если Бог будет давать право на наследование добра, то только достойные будут удостоены унаследовать добро предков. Тогда все будут стремиться делать добро и на земле.

– Как бы не так, но пусть будет так, однако повторю: жертва телом – это не добро к святости, а воздаянье за грехи или дар во исцеление и спасение, и должна быть праведностью любви. Святость – это красивые деяния добра, но не всякая любовь может быть добром если не злом. Тут бабка надвое может сыграть.

Произнеся это утверждение, он подумал, что оно может показаться слегка смутным и не убедительно для неё. Напротив, её доводы ему вдруг показалось не лишёнными смысла и он усмехнулся простоте и легкости ее утверждения. Не понимая, что можно добавить к сказанному вспомнил вдруг прежнее её утверждение по переселению душ погибших солдат. Видно она всё-таки считает, что я имею паспорт души её возлюбленного и разговаривая со мной, как с наследником его погибшего возлюбленного. Чтобы забыть ей думать так он, после некоего раздумья заметил:

– Ты зря ищешь родственной души своего возлюбленного. Во мне ее тоже нет, да и вряд ли найдешь даже у него, если вдруг там, на небесах, встретишься с его душой. Бог гарантировать тебе этого не может.

Он налил себе еще вина, она предложила налить и ей. Он выпил, она лишь пригубила.

– Мне кажется, что за мною гонится какой-то рок и сознание мое заблокировано, – произнесла неуверенно и тихо она, будто боялась, что ее услышит кто-то другой.

– В этом и моя правда, и мне порой тоже кажется, что за мною гонится тоже какой-то женский рок то в одном, то в другом виде. Боюсь, что когда-нибудь догонит. Я как в штормующем море с полной лодкой утопающих. Еще одной утопающей она не выдержит, потонет. То, что ты решила распрощаться со своей святостью тела, наверно, правильно, но зачем Бог роком посылает это мне? Я же потоплю лодку своей судьбы. Для Бога телесная святость и жертвенность много ли значит? Где мера греховной глупости – Бог мне этого не сказал, а я чувствую, что уже иду и не вижу своей ватерлинии. Волны летят через борт, и еще один утопающий на моей лодке сделает утопленником уже меня. Грести будет некуда и незачем.

Поэтому если у тебя есть человек, который тебя любит и пытается добиться тебя, ты прояви к нему внимание и все-таки отдай ему себя. Такова, видно, божья воля. Прими свою участь со смирением, и, может, Бог возрадуется тебе его благодатью. Все со временем меняется, и порой тот, о ком думаешь плохо, вдруг проявит с хорошей стороны. Выйди замуж, одной с ребенком все равно тяжело.

Она молча слушала его и вдруг выпила стоявшее в стакане вино почти залпом, не поморщившись. Он посмотрел на нее удивленным взглядом.

– Зачем ты приняла обет аскетизма, ради вечной жизни или как? Мне это трудно понять. Аскетизм никогда не может быть правильной жизнью, это скорее жертвоприношение в дар ожидания новой любви. Ты же творишь это в память убиенной души. Не хватит ли для памяти? Вечностью скорби ты его не возродишь – это не дело.

Ты можешь забросать меня камнями, но я слуга истин и питаюсь только их настоящей кровью, а ты клюешь себя иллюзиями умерших догм, обманывая себя и окружающих. Помню, по одному местному радио читалось стихотворение, которое чем-то отражает твой образ. Я записал для себя в целях сделать из него песенку. Вот хочешь, его тебе прочту?

Она кивнула головой.

– Оно звучит примерно так, – он стал читать:

Вот и город после дождя,
И с небес уже не льется вода,
А у дороги еще в каплях листва,
И журчит вода в два ручья.
Он помог ей, по воде перенес
И только спасибо с собой унес.
Давно высохли дождей ручьи,
А с ними и ее пропали следы.
Но от той воды и от тех дождей
У него чувства проросли к ней,
И как ветки вербы ждут листву,
Ждал он встречи с ней наяву
И хотел обменять мечты
На взгляд ее с теплотой любви.
Растерявшись у кромки ручья,
Будто шептала, любя:
«Спаси, спаси, меня спаси!
Помоги, помоги перейти».
А когда он встретил и узнал,
Что она обвенчана, зарыдал.
Говорят, слез ручеек его
Началом реки стал
И по городу рекой побежал.
Но в городе это только молва,
И на дороге, где ходила она,
По-прежнему бывает вода.
А парень тот уж не влюблялся,
Одинокó прожил и порою ругался,
И единственной женщиной в доме была
На стене картина «Королева дождя».
Выходя из картины, она порой
Была в этом доме хозяйкой одной,
Как призрак мечты святой
Неразделенной любви большой.

* * *

Тоже говорится о таком, как ты, однолюбe, но это не смысл и тем более не может быть образом жизни, – заметил он ей после прочтения стиха. – Живи так, если тебе это нравится, и поклоняйся иллюзиям, но пойми: мораль, по которой ты живешь, это не истина, а ее чучело, опугивающее счастье.

Тебе, если сердце молчит, надо прислушаться к разуму, как ты и хотела в твоём видении распятия. Позаботься о своём теле; страсть, даже если она не твоя, а к тебе, может быть храмом твоей немой воли, что потом окажется живым божьим пульсом долга. Пение своей любви ты можешь слышать только со временем, когда пройдет онемение прежних чувств. Женись, как и советовал. Обычно считается, что окончательное решение можно принимать после совместной ночи, и даже тогда не всегда можно сказать, твой или не твой человек для жизни – тот, который хочет с тобой близости. Время решает все. Когда двое некоторое время нахо-

дятся рядом и проявляют сердечные заботы, то у них может возникнуть привязанность друг к другу, стимулирующая желанья к сближению. Ведь не все возникает с первого раза и взгляда. Есть любовь, возникающая на отношениях, но это длительный процесс. Делают же у нас искусственные роды, когда женщины не могут разрешиться сами, и это делают люди, а не боги. Я уверен, это возможно и в любви. Только нет такой божьей службы, которая могла бы учить этому, хотя и богова это вотчина. Только когда черпаешь энергию другой, если не своей страсти, появляется способность давать радость совместной жизни, хотя бы на миг. Может быть, тогда ты поймешь, что жизнь прекрасна и в этом. Отдайся тому, кто любит тебя, если сама любить уже неспособна.

– Вы же не хотите отдаться тому, кто вас желает, а вы его нет. Я в такой же ситуации, не толкайте меня к своему вампиру. Не надо усугублять мою трагедию души.

– Эх, беда, беда, беда, не влезает в ворота, – вздохнув, отреагировал он. – Куда ни кинь, везде безысходности клин. Можно надеяться, что настойчивость мужчин сможет породить любовь и этим покорить женское сердце. Такова жертвенная суть женщин. Недаром же Пушкин писал: «Но я другому отдана и буду век ему верна». Твоя телесная жертва не должна создавать духовной травмы ни тебе, ни твоим близким, не делай глупости.

– Нет у меня никакой душевной травмы, не надо меня по полу таскать, как швабру, и не заливайте мне бетоном душу против воли. Я же вам уже сказала, что хочу распрощаться со своей безгрешной жизнью, но только по своему желанью, а не по прихоти бесовского желанья. Я даже семью с мужчиной творить не хочу.

Он успокоил ее возмущение ласковым прикосновением к руке.

– Это точно, какой-то рок надо мной. Ты просто во мне видишь душу своего возлюбленного, но я не он, я совсем другой человек. Двух душ за погибших мне бог тоже не подарил. Успокойся же, наконец, боже мой. Прекрасное самопожертвование и высокая степень безумства, но это неуместно. Не надо перечеркивать смысл всей своей жизни. Я сегодня здесь, а завтра меня уже нет, и что услышу или скажу своей совести, когда меня не будет? Я ветер погони за своей удачей. Случайным, как я, людям дарят себя только от отчаянья.

Если бог – это любовь, то любовь во имя любви, куда ни шло, оправдать можно, но только ради секса или прощания со святостью – такое мне непонятно. Это похоже на то, чтоб подать нищему при выходе из храма, чтоб кто-то за тебя помолится. Тело должно испытать божественное томление, тогда прощание со святостью будет в радость, а не с чувством греха, который останется со мной и с тобой на всю жизнь. Я уже и с Богом посоветовался, и вот крещусь, а в ответ только молчание.

Он перекрестился.

– Какой же мне искать выход из создавшейся обстановки? Если Бог не может дать новой вечной любви, значит это невозможно вообще и ждать уже больше нечего. Кому же тогда дарить свою святость, если она ни богу, ни желанному не нужна и тело его не мучается томлением страсти, а мое жертвой дьявольского желанья быть не хочет?

– Не знаю, как и что уже сказать, но ни приказом свыше, ни повелением воли желаний не достичь. Вспышка желанья – это внутренний порыв на женственную красоту, а ты почти в рясе и протокольный холод требования, это же так не делается. То, что невозможно богам, порой возможно людям, но для этого нужно хотя бы быть способной на женские ласки.

– Может быть, это и правда, – тяжело выдохнув, сказала она и сама подумала: «Мои одежды убивают мою красоту». С этой мыслью будто какой-то камень упал с ее души.

– Я знаю случай, – продолжал он, не обращая внимания на ее задумчивость, – когда двое старых людей встретились и влюбились друг в друга, как шестнадцатилетние. Этому я был свидетелем сам.

Мужчину я знал давно, часто в молодости ему помогать приходилось. Он охотником в «Охотсоюзе» работал. Был у него на озерах свой дом, и не сруб, а сложенный из кирпича

и шлакобетона. Из больших городов к нему приезжали отдохнуть большие гости, и часто с временными подругами, любительницами свежего воздуха и свежей любви. Были и заядлые любители охоты.

Как все охотники, иногда выпивал, и по-черному. Несмотря на это, жена его очень любила, во имя этой любви и погибла, при нелепом случае. Ее съели комары или укусы какой-то ядовитой твари.

Собрались как-то по пьянке все горе-охотники и поспорили с рыбаками, что два часа пролежат голыми на берегу озера на большой приз. Он, чтоб проверить ее любовь, попросил вместо себя лечь ее. Она уже была подвыпившей, а он для смелости выпил с ней еще. Она легла и уснула, а за пьянкой они про нее забыли. Когда вспомнили, она уже была мертвой и слой комаров покрывал ее тело. С тех пор он долго простить не мог этой потери и на озерах так и жил один-одинешенек.

Привозили ему как-то молодуху, которая жила с ним. «Меня, – говорил, – она устраивала. В доме с ней было чисто. Дом без женщины не дом, а так, одно название. Берлога отшельника, и всего лишь».

То, что заезжие охотники порой ее в лес уводили и развлекались, его это даже не волновало. В доме хозяйка была нужна и заботу о нем помнила, вот это ему спокойствие и давало. Не выдержала дикой жизни и в конце концов бросила. «Сейчас спокойствия в душе нет, одна скучища, и поговорить и поругаться порой не с кем», – приговаривал часто он заезжим гостям.

Вот как-то заядлые любители свежего воздуха прогуляли с ружьями и подругами, ничего не настреляли. Домой же с пустыми руками не вернешься. Пред женой отчет держать надо. Продал он им несколько уток, а я им всем записки вставил: «Продано за пять рублей», деньги тогда были не такие, это сейчас пять рублей не деньги.

Обычно приезжали эти друзья с охоты домой и сказки охотничьи рассказывали, а жены их были тоже подругами. Каждый свою байку о крутой охоте рассказывал, а тут все их байки о крутой охоте обломом вылезли. Нашли они мои записки и скандалы устроили. Они оправдывались: «Это шутка старого охотника. Ему от одиночества скучно, вот он и развлекается».

На следующей неделе на машине приехали на озера четыре дамы. Все при патронташах и с ружьями через плечо, закупили дичь у него и мужьям доказали, что они тоже, как они, могут охотиться. Правда, увидав, как он живет, решили его еще и женить и своего человека внедрить в излюбленное мужьями место отдыха.

Помнится, тогда пригласили его в гости для знакомства с его возраста женщиной. Он попросил их сначала показать ему старушку, так чтоб она не знала, что ее показывают для знакомства. Они так и сделали, но предварительно выяснили его отношение к его безвременно ушедшей супруге. Стало ясно, что он ее очень любил и тосковал. Посадили его в беседку парка. Ее приделали и причесали в полном соответствии с фотографией его прежней жены. После с ней стали прохаживаться перед ним по аллее вблизи беседки.

Когда он ее увидел, сначала сзади, у него задрожали руки.

– Как она похожа на мою бабу, – с придыханием выдавил он.

Потом то же самое проделали с ним, и только после ее согласия их познакомили. На некоторое время ее привезли к нему, как бы в гости. Она любила природу и землю, быстро привыкла к тамошним условиям. Отношения внимания и женственности с ее стороны решили все проблемы. Несмотря на их возраст, они полюбили друг друга, и хоть секса у них не было, это не мешало их отношениям. Так что возраст в таких случаях не помеха, много зависит от правильно смоделированной ситуации, и всегда нужно время в совместных отношениях для привыкания. Как они пойдут – это важно в любом возрасте. У тебя тоже все еще будет, может быть, и помогу чем.

– Нет, наверно, уж ничего не будет. Для любви нужна страсть, а я убила в себе этот порок. Я даже не знаю, как вести себя с мужчиной для возбуждения интимной близости.

Она стала рассказывать ему, как она боролась с греховными страстями, и даже во снах. Я позволю себе рассказать один из ее снов, но извиняюсь, что не так скромно, как его она рассказывала ему.

Глава 21. Сон

Есть сны черные, есть цветные, но самые дорогие сны – вещи.

Автор

Когда одинокая религиозная женщина долго не имеет сексуального общения, и она не лезет на стенку и не рыдает в подушку от половой неудовлетворенности, то вполне естественно, что ей могут сниться разного рода эротические сны с религиозной окраской.

Чаще всего такие отмаливают эти сны, относя к дьявольскому наваждению.

Этот сон оставил в сознании Арабеса непонятные ассоциации. Скорее всего, он был следствием борьбы женской природы с религиозным аскетизмом святости, если не званым посылом небес.

Святость как борьба с грехом прелюбодеяния и плотскими искушениями карала женщин с давних времен не только совестью, но и физическими муками, облачая в предупреждение их греховные места в пояса верности. Большой размах эта мера приняла во время крестовых походов. Рыцари, уходившие на войну, запирали замки на поясе верности своих жен. Изготовленные из серебра и золота, они и после смерти мужа причиняли им муки.

Однако боролись с похотью не только женщины, но и мужчины. В Средние века изготовлением многочисленных приспособлений для борьбы с похотью за причисления к лику святых занимались и врачи, под руководством священников. Существовал даже медицинский термин – «заболевание ночной эрекции». Для борьбы с этим недугом мужчины надевали на причинное место кольца с шипами, которые вонзались в непроизвольно увеличивающуюся плоть и причиняли сильную боль. Такой же принцип использовался и в специальных трусах, известных как «исподняя священника», – в детородный орган обладателя при малейшем намеке на возбуждение впивалось множество иголок. В конце XIX века, с появлением электричества борцы за нравственность сконструировали агрегат, который надевался на ночь и реагировал на эрекцию ударом тока. «Музыкальные трусы» также должны были оградить хозяина от ночных эротических мук. Исподнее было хитрым образом соединено с граммофоном, который будил святого громкой мелодией, чтобы он не грешил даже во сне.

Ее же сон греха сопровождала ритмичная музыка страсти. Эта музыка сексуальных грез из дремучей глубины ее сознания, казалось, гналась за ней с бешеной страстью и уже наступала на пятки. Ей казалось, что ее хотели нагнать и изнасиловать.

Гонимая этим страхом сновидения, она будто бы заскочила в храм и, перекрестившись, действительно оказалась перед иконой Божьей матери. Музыка, преследующая ее, как будто вмиг сгинула, и только она перекрестилась, с небес послышался колокольный звон, призывающий молитвой к себе, ввысь.

– Мать милосердная моя, спаси меня, дай мне, как и себе, счастья. Дай мне здоровья в теле для радости зачатия, оставшись непорочной девой. Боюсь я, Боже, мужской близости, и более того, боюсь той боли, которую испытывают женщины при первом половом сближении и родах. Помоги мне, Боже, избежать этой родовой боли и греха от мужской страсти, но сделай меня женщиной и матерью.

Музыка неистовой страсти, сменив колокольный звон, вновь зазвучала над ее головой. Стена раздвинулась, и в проеме ее появился крест. Два монаха старательно распинали на нем что-то непонятное. Она пригляделась и увидела, что распинают они на кресте что-то, напоминающее большое мужское достоинство. Наконец забив огромные гвозди на самом его конце и по центрам яичек, они спустились и дали ей в руки плетку.

– Изгоняй страсть, – приказали они, и она стала бить себя по спине. Под ногами ее вспыхнул костер. Монахи заплясали вокруг и стали срывать с нее одежды. Тут она увидела, что они все с рогами, и она как будто даже обрадовалась этому. Через несколько мгновений она, совершенно голая, уже приплясывала в огне, как сказочная Огневушка. Так расплясалась, что искры, как звезды, летели из-под ее ног, а она все больше и больше, с интенсивной яростью избивала себя плеткой. Рогатые монахи тоже почти обнажились и в рваных, накинутых на обнаженные плечи рясах в такт музыки скакали вокруг нее, хлопая в ладоши. Этот хоровод подзадоривал ее избиение подмигиванием ей с невообразимыми криками.

Через некоторое время она выдохлась и в истомленной злости стала кнутом бить монахов, кружащих с улюлюканьем вокруг нее. Они сразу куда-то исчезли. Она в отчаянии со стонами стала избивать распятый на кресте перед ней мужской член. Хлестала его с ожесточением, и чем больше она его избивала, тем толще он становился, а из-под гвоздей струилась все больше и больше кровь мужской страсти. Он, как живое безумное существо, смотрел на обнаженную женщину, избивающую его, и от своеобразного представления обнаженной дамы возбуждался, раздувался все больше и больше. Наконец она не выдержала своего мучения и, упав

перед ним в изнеможеньи, заплакала навзрыд. Руки судорожно хватались за распяты, и она от ощущения мужской плоти потеряла сознание. Упав навзничь, в бессилии раскинула ноги, а руками бессознательно прикрывала свой срам. Однако руки в беспамьятстве машинально шевелились, теребя меж ног свои прелести вопреки божьей воле и рассудку. Распятый на кресте член от этого зрелища расперло еще больше. Из него вылезли чудовищные когти и, вцепившись в ее обнаженное тело, притянули к себе. Она, как изнеможенная жертва, не сопротивлялась этой орлиной хватке и была мгновенно прижата к этому изваянию.

Ощувив сковывающий жар пульса, она вспыхнула ответным жаром и обхватила его, забившись в эротических муках. Он сочувственно обхватил невидимыми опахалами ее оголенное тело и наконец сам не выдержал жженья от ощущения красоты. Эротическая страсть вскипела, как котел, обожженный огнем. Его расперло паром страсти до такой степени, что оболочка его рванула и он слетел с гвоздей. Тут в сознании ее мелькнула вспышка, она услышала взрыв.

Он был оглушительным и страшным. Ее подбросило ввысь, под купол, и она увидела себя летящей под сводами, но уже в гробу и в обнимку с этим мужским вождением женской страсти. Рядом с гробом ангелами порхали монахи, но уже без рогов. Они что-то пели ей, будто отпевали то ли ее, то ли ее святость, то ли женскую страсть. Тут она почувствовала, что быстро полнеет и превращается вроде как в беременную женщину.

– Ну вот и зачала холодной и дохлой девственницей. Ура! Но опять беда, и зачем мне большое дитя? – как будто кричала во сне она, а монахи, что ангелами рядом летели, твердили, хохоча:

– Тело сделали шутя, хоть риска много, не беда, а душа еще не готова пока, нет в аду для этого нужного котла. Ты безгрешна, и тебя сатана отправляет в небеса. Ее тебе просить придется у бога, ты же крестишься, зазноба. Только после для души мы наварим ей грехи.

Перекрестилась она и, пробив гробом стену церкви, вылетела во двор. Летит и видит, что она уже парит в воздухе над церковью, как птица, и крылья за спиной, как у ангела. Сделала несколько кругов вокруг церкви и полетела выше. А с земли в это время ей ее знакомая старушка машет, что ее от самоубийства спасала, когда возлюбленного потеряла, и кричит:

– Не улетай, родная, не улетай! Я с тобой.

Догнала ее и молвит:

– Мы с тобой одного духа поклонницы. Я мать твоя духовная, ты без меня никуда.

Подлетают к раю, а там херувим сидит и на компьютере в игру какую-то играет. Поиграет, поиграет – и крестится, и крестится. Видимо, он чертей из всех орудий мочил и, как прибьет, так крест на себя накладывал. Увидел их, закрыл свою святую игрушку и спрашивает:

– Вы куда, голубушки?

– К Богу, душу для чада непорочно зачатого просить.

– Бог ныне почивает, а братья мои по духу души изношенные исцеляют. Видите, гвозди жарят и калеными гвоздями эти души на крестах распинают, всякую земную заразу изгоняют. Другие проектируют и лепят новые, по божьему заданию.

Иные погодой балуются – кому дождь, кому солнце, а кому и ветерок с пульта божьей воли подают. Однако когда Бог спит, не всегда по делу получается, но тут ничего не поделаешь: у нас, как и на земле, и брак возможен, и бюрократия везде. Попробуй сделай не по божьему велению, сразу проклинают, святости лишат и в ад к чертям отправят. Педантичность исполнения воли его всегда уделом успеха была и божьей воле мила. Свободы творчества не хватает, вот пока Бог спит, каждый о новой библии мечтает, бюрократию ругает. Зато все при деле, и вас никто здесь не ждал, последнее время редко кто за душой прилетал. Нынче все письма пишут и, покаившись во всех грехах, какую нужно душу описывают и заказывают, а сюда не прилетают. Вон сколько писем – штабелями мешки лежат.

– И вы что, все читаете?

– Раньше читали, потом не стали, мешки по весу принимать стали. Чем тяжелей мешок, тем больше грехов описали, за это им все прощали и души по весу выдавали. Ныне такая же Марфа, как ты, святой дух поймала и в оправу божию закатала. Теперь если через эти очки посмотреть на мешки, то все письма неполного раскаянья обратно летят, а остальные милость по запросам получают. Бог ее святой сделал и бессмертие подарил, но она сейчас пьяна и к работе не скоро будет мила.

– У вас здесь что, водку с манной раздают?

– Да ее у нас здесь нет, но если святой воды на халяву перепить, то тоже пьяным можешь быть. Сейчас мы думаем, как и кому нормы на святую воду и манну установить.

– Да уж, да уж, справьтесь с этим и над нами смилуйтесь, родненький, бюрократических проволочек не творите и не обессудьте, просьба и дело необычное, – попросили они.

– Вижу, что необычное, – отвечает им. – Одна точно вроде на сносях, а вторая – никак в разум не возьму, пенсионерка, а все туда же, что ли? Придется справки показать, от кого зачали, когда зачали, по любви или по несчастному случаю. Важно даже, на чем спали, как куда лежали, о чем мечтали, какие звезды считали или только стонали. В зависимости от этого и душу подбирать будем.

– Да вы, ваша светлость, по одной только хлопочите, – говорит старушка, – я как ангел ее, по ней только и пекусь. Меня в расчет не берите, мое тело для грешного дела уже не годится. Не видишь, миленький, – подняв подол, показала она, – я свою родилку на три замка давно закрыла, заклепала, звезды комфорта разбросала и ключи потеряла.

– Сейчас посмотрим по компьютеру, по какой цене тебе душу отпускать, – обращаясь к беременной, сказал он. – Если грехов нет и причащалась, компьютер все светлым выдаст. Если грехов слишком много и неотпущенные есть, компьютер все красным выдаст. В одном случае все ниже себестоимости, в другом случае все выше нормативной цены из рая горячей, теплой или прохладной любви. Хотя сейчас ни в том, ни в другом случае я отпустить душу не смогу, иначе одни мошенники расплодятся в раю.

Компьютер настроен для отпуска только по оптимизированной цене, а для этого надо норматив грехов иметь, иначе зачем мы свою божью службу по отпуску грехов на земле сохраним? Ни по завышенной, ни по заниженной цене компьютер документы не оформляет, он только божий указ выполняет. У нас здесь на все плановая цена, и отношения по божьему плану, и от него ни туда и ни сюда. Таков божий указ, и иной только он исполняет заказ.

– Да, милоч, мне документы не нужны, только бы душа добрая была, а свечки я всегда Богу ставила и молебен служила, – стала умолять его несчастная.

– Ну, тогда душу тебе в рулетку разыграем. Деньги есть – ставь, за деньги Бог тебе и непорочное зачатие узаконит, и душу случайную даст. Мы тоже коммерческая служба, и наши капиталы в мире не на последнем месте. Пора привыкать к реальности жизни.

– Нет денег, милоч.

– Нет денег – список добрых дел как лот святости выставляй или угольки отпущенных грехов бросай и жди божьей удачи из того, что по твоей божьей значимости он пошлет.

Пока он спит, рулетка его волю вершит. Ну, что опешила? Вижу, компьютер выдал: ты христовой невесткой слыла, а таким все по праву, на что бог дал управу. Так и быть, бросай шарик за так и ставь на то, что нравится. В игре удачи свою судьбу поймать должна. За хорошее поведение Бог до твоей просьбы снизойдет, и что просишь, то и обретешь. Говорят же: «Если чистое в себя пускала, то чистое и выйдет». Все будет, и даже суженый к тебе явится.

Она перекрестилась, и бросила поданный шар судьбы.

– Ну вот и ладненько.

Теперь что выпадет, то и получишь, но не так скоро и не так сразу, – успокаивал божий послушник. – Пока в баню сходи, очистишься. Тело же – это храм души, а душа всегда только в очищенную от грехов плоть дается.

Послушник показал рукой на баню рая. Она взглянула и ахнула. Ее взору открылся прозрачный храм. За стенками храма совместно мылись обнаженные мужчины и женщины. Какой-то сказочный пар, похожий на дым, окутывал их.

– Это же какой стыд – мужики вместе с бабами в общей бане, да еще и в дыму блуда, а я же дама безгрешного зачатия.

– Полно тебе, скажешь – стыд. У нас здесь, как в первозданном раю Адама и Евы, стыда никто не знает. Дым этот мы напускаем как любовную ингаляцию. Там грязи нет, ни мужского естества, ни женского. Чуть дальше находится парная светской непорочной любви, с душем эротического наслаждения. Греха, в его понимании, нет и быть не может, так как мы всех одели в колготки невинности. Эти колготки – наша святая кожа. Даже есть котлы с лунными ваннами, они называются «счастливые ночи», с парами очищения банными. Люд наш удовольствия получает и друг другу телесно не докучает. Дальше прачечная грехов бывлой порочности, и над всеми летают ангелы в очках счастливой любовной вольности. Они порядок святой блюдут и свободу в поступках по чистоте совести воротят. Равной свободы, вроде демократии, не знают, и диктатуру божьей любви все соблюдают. Это значит: любовь только по воле бога возникает, если его святость не нарушают. Вся вода, которой они омываются, из святого источника горячей любви течет, и они эту воду, каждый по своему вкусу, холодной разбавляют, потому и горя не знают. Счастья немало здесь, и всегда в том, чтоб святая вода ни горяча ни холодна была.

– Но они же грешат, раз целуют и телесно друг друга ласкают, как же они грозу страстей у вас здесь не знают? А вон там в роскошном заднике прорвало вашу трубу порядочности и вся святость в отстой стекает, значит, вода и холодной, и горячей бывает и святость теряет. Так можно и грехами себя окропить, может, вам дыбу здесь за них установить? Или эшафот страстей водрузить?

– Разве это грех, когда все друг друга любят? Любить – это не кровь лить, страсти-то у них нет. Страсть мы им от сотворенья отсушили, а что вдруг возникает, то на куски и в ад спускаем. Когда люд постоянно обнажен, он к обнаженности привыкает, на тело падок не бывает и только

душой страдает, если любовного огня бог ему не посылает. Даже после этого они только платонической любовью занимаются и сексом не развлекаются, присоединяясь.

– Неужто это и на земле хотите сотворить, а как же тогда детей творить?

– Так зачем им размножаться, тут только одни бессмертные. Они оторвались от страстей, как птицы от земли, и соединились с ветром бессмертной мечты, для того чтоб только духовной жизнью наслаждаться могли, служа Богу, и испытывают от этого мистический оргазм счастья и по его воле свободу. Мы здесь за добро ничего никому не платим, только любовью маним и этим Богу служить призываем. Интимные места у них всех зашиты, чтобы только от духовного добра оргазм получали и телесной беды не знали. Кто же яблоки греха съедает, того мы в сад природных наслаждений отправляем, но всех в святую одежду одеваем, и к оголению право только через святое добро бог дает. После этих варягов любви и пилигримов животворящей любви мы некоторое время ей обучаем, и на истинный путь наставляем, и уже богами любви объявляем. За это потом в смертных превращаем и на землю отправляем. В этом саду даже деревья эротические очертания имеют. Страсть только смертным для любви нужна. В ней они радость мимолетной жизни и получают.

– Как у вас здесь все сложно. Как же тогда Бога понимать? Ведь он на земле со страстями заставляет воевать. А если такие, как я, святые влечения к любви потеряют и никого кроме одного и себя любить не смогут, ради чего они на земле жить предпочитать станут?

– Ну, с этим мы здесь учим бороться. Самая большая радость – это любовным чувством наслаждаться, вот этим правом и управляем, а потому и горя не знаем. Любовь же – это не только условие общего понимания, но и согласованное соединение разностей. Таковы порядки, разработанные в раю, и здесь деньги, только когда Бог спит, в ходу, или когда смертных отправляют на землю, наполняя ими божью суму на мзду за землю свою. А если кто любить и себя не захочет, наши амуры таким сердцем займутся и даже статус божьей значимости могут изменить. Ад – это когда ты никого не можешь любить, а окружающие только ненависть начинают дарить.

Она хмыкнула, то ли выражая недоумение, то ли сомнение, то ли размышление, а он продолжил:

– Во-первых, мы всех постоянно заставляем мечтать, ведь без мечты жизнь и наслаждение теряют смысл, и целостность личности растворяется. Во-вторых, если люди какое-либо влечение друг к другу теряют, мы им это божьим внушением прививаем. Вот любовные чаны стоят, видишь? В них любовный настой зреет. Его настаивают на божьей крови, женских прелестях и роз лепестках. Когда у кого влечение пропадает, амуры из них розы вынимают и, как стрелами, в сердца стреляют.

– Что же, когда я суженого потеряла, ваши амуры этими стрелами в меня не стреляли?

– Значит, молитвы твои не долетали или ты только об одном в молитвах была в печали. У нас и огненные обряды посвящения в любовь есть. Здесь, на постаменте, факел любви всегда горит. От него по божьему велению можно свою любовь зажечь, а на алтаре разделки душ можно ненужные чувства просто отсушить, отрезать, и по ним уже не страдать, и о былом не мечтать. Ты, однако, умудрилась от дьявола зачать и душу святую хочешь заказать – и как такое понять, и с какой звездой душу связать? Это опасно, ведь так и от пустоты душевной можно размножаться начать. На такое явление только сам Бог душу может послать, если рулетка не сможет на добро сыграть.

– Тогда в баню свою меня не гоните, я не от греха зачала, а от беды, и очищения ванны вашей свободной платонической любви мне не нужны. Совместная банная оголенная красота всегда к оупению и отмиранию страстей народа вела, да и опьянением его была.

Ведь как ни крути, я грешна уже, и какая выпадет в рулетку душа, та и будет мила. Идеальная возможна только в платонической любви, да и свобода вообще мне не нужна, а для поиска объекта любви достаточно ангелов стрелы и бичевания Богом души.

– Значит, в абсолютную свободу не веришь и только чудом очарования гредишь, чтобы стать частью другого, и покорности с верой такой же от всех божьей хочешь.

Такое состояние души, наверно, считаешь волей божьей любви и его гламуром? Неужто она может возникать только от поражения сердца, отравленного стрелами амуров?

В качестве этой отравы покоя они используют наш настой из красоты, душевного отношения или из возбудителя инстинктов природы, воспитания, поклонения и другого душевного настроения, как божьего приворота. Он заставляет светиться каждую клетку тела святого любого. Наши амурсы в этом деле разбираются больше, а я только слегка, так, в общем плане представляю райские дела, чтобы на земле не вершился любовный бардак.

– Вы что, здесь, в раю, проповедуете и обучаете вечной любви или только временной для совместной физической и душевной гармонии в страсти для греховной напасти? Похоже, чтобы потом грехи отмаливали и пред богом головы склоняли.

– Нет, мы только пытаемся заниматься этими проблемами, ведь любовь – самая трудная наука, и гармония – это дар богов на разные периоды жизни. Когда души с годами меняются, проблемы появляются. Тут и свободы их должны меняться, и новые чувства появляться, иначе любая несоответствующая свобода одного убивает животворящую любовь другого.

– Я свою свободу поступков, возбуждающих эротический зуд любви, подавляю утоплением в разума крови. Чтобы в соединении душ, для ощущения огня счастья, умирало зло. Это когда очарование одного если даже давит прессом другого, то это может быть безумно нужно другому.

– Ты точно блаженная. Богу такие нужны, но для выживания на земле такие души не нужны.

– А я думала, что у вас порядок и любить это значит все прощать, бояться потерять и полностью отказываться от себя ради дорогого человека для тебя. Точнее, жить интересами того, кого любишь, так как только любовь всегда предлагает прощение грехов.

– Ну, когда человек влюбляется, он, естественно, склонен к прощению, пока это желание обманом не убивается. У вас на земле пока властвует обман, как дурман. Выдаете одно за другое и тешите сознание свое больное. Все как в бюстгальтерах на груди любви, поэтому-то дамы их периодически хотят снять или поменять, чтоб грудь не стеснять.

– Да я вас здесь не пойму, какой власти честь?

– У нас только власть платонической, у вас – натуральной любви. В каждую землянку мы генетически вложили инстинкт кому-то дарить тепло, принадлежать, покоряться и быть счастливой от огня созданного ею очага. Ведь тело женщины мы создали из мужской плоти, и она потому, естественно, тянется к нему, ища свое единство и костную опору счастью своему.

– Я так тоже считаю, что для счастья женщина должна знать только одного мужчину. Когда она и их меняет, она душу теряет, а плоть одного заменить другой нельзя, и это сотворения Божья беда.

– Да, эта истина всегда от сотворения мира жила. Сейчас пытаемся на другую поменять. Каждому же мужчине мы подарили инстинкт постоянно кого-то завоевывать, искать, создавая свой мир, его защищать и власть над ним создавать. Они без ощущения его никогда не будут чувствовать себя полноценными королями и волшебниками счастья своего. Многие из них постоянно стремятся искать душевную половинку своей личности или покорять постоянно новые высоты своего очарования, но все с годами меняется и адаптированная к разным условиям мораль намечается.

Она грустными глазами смотрела и, сняв с груди крест, перекрестилась, поцеловав его. Он продолжал:

– Ты хоть лоб крестом робей, но, похоже, не станешь умней. У всех здесь условия не земные и нет постоянных родительских забот, и земная мораль нам не подойдет. Питаются небесной манной и живут каждый со своей божьей программой. Проявление любви и получение на нее божьего права – постоянная их забота и божья забава.

Она, наконец, ему возразила:

– Но чтобы как-то любить, надо уметь что-то ненавидеть. Значит, у вас здесь не может быть постоянного добра. Ты, милоч, наверно святой воды перепил и библию забыл? Что-то я в толк все взять не могу – или ты продолжаешь с чертями игру?

– Если и святой воды перепил, то истины не забыл, – отвечал он. – Мы тут уже, пока Бог спит, над новой библией корпим и скоро, может, все поменяем. Вот уж и эксперименты в раю начинаем, чтобы это потом с небес на землю перенести. Для этого все должны чувствовать бесконечную любовь и стремиться к бесконечному созиданию. Без мечты и дел созидания нет у личности красоты божьего очарования. Потеря этого очарования есть наивысшее зло. Это вроде как диктатура любви и бога заодно, а любая кара души – явление воли божьей призраком во плоти. Мы и желания в страстях не убиваем, и жизнь за добро продлеваем, если в смертных превращаем. В постоянном совершенстве души и личности есть смысл жизни земной и ее привлекательности. Эта изюминка ее смысла каждому будет воздана на земле, каждому, как цветку Богом красота. Совершенство этот плод и потребляя духовную красоту, они получают право продолжать свой род, и в этом будет их жизни смысл – вершить судьбу их пребывания в земном раю.

– Ну хорошо, хорошо, может быть это нужно, но не мое, – возражала она. – А как здесь у вас в саду любви, разве не убивают друг друга из-за соперничества и ревности мужики?

– Что ты, что ты, не грехи, это не божьи пироги. У нас здесь и не убивают, и не воюют из-за нее. Настоящая культура любви божьей круговой порукой ответственности превращает всех в послушное божье стадо жертвенников. Поделиться любовью у нас не грех, так как вся она в платоническом звании госпожа. За это на всех спускается божья благодать и успех. Ревность – это следствие отсутствия порядка в любви от того, что без божьего права проявляют все на земле чувства свои.

Это на земле сильные пытаются урвать у слабых в собственность самку свою в надежде на эгоизма силу свою и телесную нужду. Так и мечты о рае на земле заставляют служить себе. Что и ведет вас к беде и вражде, делая глухими к зову и закону богов, и это не божий покров.

– Ну, я не понимаю все возможное и душевное в божьих делах, но почему коварное неравенство на земле отличается от неравенства вашего здесь, о котором вы сообщаете мне? Ведь перед Богом, по библии, кажется, все равны?

– Да, по качеству душевной красоты у нас по ней все друг другу не равны, а у вас неравенство по греховному злату мамоны мешка, и в этом разница и беда. Любое равенство в людях, как безликость и равная свобода, тоже, как равная любовь, убивает значимость и красоту ее. Игра в равенство – это как игра в жмурки: все одинаково не видят истины, что в аду, что в раю. Если мы рай везде на земле установим, то изгонять из него будет некуда и мир ужаснется, Адом как злом пугать уж не придется. В этом суть святой проблемы, как альфа и омега веры и истины любви, чтобы не знать беды. Бог равным ничего не создал, но возможности всем одинаковые дал. Святым здесь, в раю, все, что надо для жизни, есть. Им не надо работать, чтобы прокормить свое тело, но свободы права дают по святой их божьей значимости духа. Для этого они занимаются искусствами, чтобы душой в них выразиться и этим уже отличаться пред Богом и друг перед другом. Эти подвижники и пассионарии Бога зачисляются в святые. Прав и свобод имеют больше оттого, что больше божьему достоянию своими талантами воздают, совершенствуя свою душу и души других, от него и окружающих любовь в дар получают.

В этом суть сотворения рая на земле и проявления социально-божьей справедливости везде.

Старуха, что с ней рядом ангелом была, вдруг от услышанного совсем загрустила и Светлану в обратный путь позвать решила. Молвила, будто пока Бог спит, а этот херувим о какой-то не божьей жизни здесь твердит. Светлана с ней решила отправиться, и они с ней уже обратно полетели, но херувим ее остановил и вроде как на святой трон для гостей усадил. Она только ругой ей помахала и херувиму вопрос задала:

– Вот для чего меня здесь оставили? Мне такая свобода божьей благодати на земле ничего не даст, да и я за душой прилетела, а вы сомнительная душа, пургой о любви меня уже замели. Бог проснется, он вам сказочные крылья отшибет и к сатане пошлет.

– Как, что и за что, это не тебе решать. Какая ты все-таки темная.

– Да уж, да уж, сложно, аж жуть, мне бы только души для дитяти чуть-чуть.

– Не переживай, выпадет тебе душа из божьего колеса по тому, что на рулетку бросила сама. Злая не выпадет никогда. У нас здесь зла нет и все счастливы, только у всех и счастье разное, и любовь согласно этому разная, парная или полигамная, на разное время, по зачатому телу или по божьей фортуне воли.

Вот и рулетка уже вроде показала, что душой твоя новая плоть зачала. Сейчас еще малость посвящу и отпущу, чтобы душа не шла к душевному эшафоту и всегда поклонялась Богу.

Статус божьей значимости дитяте твоему с рожденья присвоим за святость твою. Значимость эта, как сепаратор людей по божьей приближенности, даже передастся для детей. Это статус для святого права может повышаться, если душой заниматься и с соответствующей возможностью жизнью наслаждаться.

Право божье нельзя украсть и отвоевать, это не кошелек, его можно только заслужить от богов не по силе, а по жертвенности, как и право на любовный выбор и отказ. Даже право по Кудыкиным горам и садам гулять можешь получить, чтобы большую любовь повстречать и свободу воли знать, а попив чертовой крови, стать еще носителем вечной божьей любви. Всякое изменение этой значимости будет сопровождаться ритуалом божественного вселения, его воли преклонения и в бессмертную посвящения.

– Ну, святой, – молвила ему она, – это слишком мудрено, и мне это совсем не нужно. Любить, по-моему – это дарить свободу над собой и пользоваться такой же влюбленных в тебя. Значит, мне на землю надо возвращаться, – продолжала она, – и баня святых не по мне – грязна.

Да и в саду удовольствий жить не смогу, я как смертная одного только любить могу, и душа ведь не себе нужна была, а теперь готова вернуть, без души рожу или свою потом подарю.

Только стала прощаться, крест наложила на себя, как вдруг видит: явился перед ней сам Бог. Восседает на троне, и от трона к ней ковровая дорожка стелется.

– Возьми, – молвит он, – эту дорожку и постели ее перед своим порогом. По этой дорожке и придет к тебе добрый суженый, первой радости от него и зачнешь и здоровый плод понесешь. Придет он по моей воле, через твоё желание. Это будет добрый человек, ибо только такой человек не причинит тебе ни душевной, ни телесной боли, которой ты боишься, как вселенского греха. Он явится к тебе не на всю жизнь, а только как ветер радости большой просьбы прошумит.

Я всю душевную хворь, страх с тебя сниму и от болезни спасу, а ты сама выбирай судьбу свою. По великому твоему желанию для сотворения желанного зачатия я тебе в яви земной дам, а дальше ты сама решаешь. После все остальное время ты душой вновь будешь принадлежать мне, потому как святая сексуальная скромность есть в тебе. И если будет зачатие, то ответственность за это пусть будет на мне. И не переживай, тело твоё очищено, и здорового дитя ты можешь родить, и девственницей останешься. Зачать ты пока пуста, и душа тебе пока не нужна. Помни: если дорожка исчезнет, – слышала она сквозь исчезающий сон, – значит, по ней прошел тот, кто страх уберет и спокойствие принесет. Однако о божьей жертвенности ради прощанья со святостью думать пока брось. Тут мои серафимы и херувимы втайне о библии новой тебе твердили, думают, что я не догадываюсь. От тебя природный свет чистоты идет, какого от моих серафимов нет, вот я и подумал, что ты могла бы стать богиней их веры семьи – любви. Этот свет, как частичка моей души, мог бы стать и их светом, а ты – царицей святой любви.

Коснулся меня, и ослепительный свет в глаза. Я проснулась от этого света и долго не могла прийти в себя.

Пересказав как смогла этот сон, она сообщила ему:

– На днях у меня половик с забора сперли, а по нему вы ходили. Это знак, – сказала Светлана, и в глазах ее загорелась непонятная надежда.

– Какая ты все-таки суеверная, хотя сны у тебя очень интересные, запоминающиеся, напоминают мои, и даже мысли. Я тоже часто вижу такие сны, правда, значения им мало придаю и быстро забываю. Этот сон, видно, навевали беседы с вами мои. Сейчас мне не до них.

Ты лучше подари мне пугач. Я на чердаке у тебя, когда крышу латал, обрез видел. Оружие раньше защищало честь, давало власть, да и сейчас без него никуда. У меня в этой деревне ситуация складывается патовая. Последние деньги могут отобрать, а их с каждым годом все трудней добывать. Тебе их тоже надо учиться делать, иначе даже святые в твоих снах без них просьбы не будут исполнять. Так что для дела он мне может очень пригодиться. В оружие я верю больше, чем в сны.

– Да, забирайте. Я и не знаю, откуда он там. Видно, от старой хозяйки, а может, брат припрятал, в свое время у него ружье когда-то было.

– Добре, – ответил он, – но мне с тобой необходимо еще кое-что обсудить и оформить. Я должен составить с тобой сегодня договор, что все эти бутылки, которые собрал, я тебе условно продал. Тогда формально они у тебя их забрать не смогут, ты же, в свою очередь, должна написать мне просьбу о том, что просишь перевезти бутылки в соседнее село к своим родственникам, как строительный материал. Мне нужно пересечь контрольно-пропускной пункт этого района, а дальше я поеду уже спокойно. Завтра утром эти документы должны быть у нас на руках, заверенные моей печатью как юридического лица. Тебе придется, видно, поехать со мной, а в вашу администрацию я, наверно, вообще не пойду. И лучше ехать не через пост ГАИ, а по проселочной дороге в объезд. Есть такая?

Она кивнула головой.

– В селе другого района будешь ждать. Я вас с водителем догоню и поеду с грузом дальше, а ты на легковой машине вернешься обратно. Если все пройдет успешно, я в долгу не останусь. Хотя гагадывать не будем. По ходу дела посмотрим, а то и переиграю все.

Пока они составляли все необходимые документы, в двери настойчиво стали стучать ногами с требованием немедля открыть.

– Это он, – испуганно сказала хозяйка.

– Кто?

– Ну, тот, о котором я говорила, что домогается меня.

– Не открывать.

– Он взломает дверь.

– Пускай ломает, отремонтируем, но это будет убедительной уликой к уголовному делу против него, а не против нас, и оправданием применения насилия. Дверь поставим хорошую, а не то, что стоит сейчас.

– А если вы не справитесь с ним?

– Не волнуйтесь, справимся. Если ты откроешь сама, не тебе, ни мне оправдания не будет. Тебя скорее оставят, а меня заметут, чего им очень хочется. Ты им не нужна. Им нужен я для уголовной раскрутки, чтобы посадить на крючок и подоить.

Через некоторое время дверь затрещала, и в комнату влетел полупьяный мужик с ножом.

Арабес вышел к нему навстречу и одним ударом положил его на пол. Мужик не ожидал такой встречи и, получив мощный удар, неистово закричал:

– Ой, не бейте, я сдаюсь.

С помощью хозяйки Арабес его связал, и хозяйка побежала в милицию заявлять о попытке ограбления.

Милиционер пришел быстро. Оказалось, он находился недалеко от дома. «Все спланировано, – подумал Арабес, – но развитие сюжета пошло, видимо, не по их сценарию».

– Что случилось? – спросил милиционер, входя в дом. – Убили человека?

– Да убить бы надо было. Вон дверь выломал. Пришлось связать. Угрожал хозяйке ножом.

– У него синяк слева под глазом. Били?

– Да нет, об косяк ударился.

Милиционер усмехнулся и надел наручники, а после начал составлять акт. Перед уходом он потребовал ключи от машины. Арабес сказал, что у него ничего нет и всю фуру он уже продал хозяйке дома за ее хибару. Показал ему документы купли-продажи. Милиционер посмотрел на них и рассмеялся:

– Непростой ты мужик, но эти документы – результат сегодняшней ситуации. Ты всегда так работаешь?

– Работаю по обстановке, как складывается ситуация.

– Хорошо, я доложу своему начальству. Утром зайдите оба для разборки.

Покачав с непонятым сожалением головой, он увел потерпевшего. Арабес задумался и в конце концов, поразмыслив, пришел к выводу, что вся эта история ничего хорошего ему не предвещает.

– Ну вот, я тебе заменил брата, – сказал Арабес с горькой улыбкой задумчивости. – Ты говорила, что брат тебе был ангелом-спасителем. Где он сейчас?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.